

АННА БЕРСЕНЕВА

ВСЕ СТРАСТИ
МЕГАПОЛИСА

Анна Берсенева

Все страсти мегаполиса

«Анна Берсенева»

2008

Берсенева А.

Все страсти мегаполиса / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,
2008

ISBN 978-5-699-30653-4

Покорить Москву совсем не трудно! Если ты красива, не глупа и бесстрашна, то мегаполис – у твоих ног. Так думает Соня Гамаюнова, выходя из прибывшего в столицу поезда. И не обманывается в своих ожиданиях. Она снимается в модном сериале, живет в престижном доме на Сивцевом Вражке, ее друг принадлежит к московской элите. Но как же наивна оказывается ее провинциальная самонадеянность! Вскоре Соня с горечью осознает, что в настоящую столичную жизнь никто ее пускать не собирается... Может быть, Москву вообще нельзя покорить?

ISBN 978-5-699-30653-4

© Берсенева А., 2008
© Анна Берсенева, 2008

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Берсенева

Все страсти мегаполиса

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

т. Со
(Анна Берсенева)

Часть I

Глава 1

– Я все время о нем думаю, Сонь, все время! Каждую секундочку. И в офисе, и дома. Телевизор смотрю – и про него думаю. Книжку читаю – а все мысли про него. Ужин готовлю – и представляю, что это для него. В ванне лежу – и мечтаю: а вот если бы он сейчас со мной рядышком лег... Ты не поверишь, а это правда.

– Ну почему? Поверю, – вздохнула Соня.

Про любовь, сопровождающую все житейские занятия, она слышала от Лорки уже раз сто. И единственное, чего не понимала: зачем та повторяет это ей, Соне? Понятно, зачем она ежедневно и даже по несколько раз на дню говорит о своей великой любви Антону Петровичу – говорит, пишет в телефонных записочках и электронных письмах, которые отправляет ему по десять штук подряд. Просто Лорка быстро сообразила, что даже на такого неглупого мужчину, как он, красивые слова производят сильное впечатление. Соня – та долго не могла поверить, что это в самом деле так, пока не убедилась лично. Подружка позвонила своему любовнику прямо при ней, и через пятнадцать минут телефонного разговора, сплошь состоящего из таких паточных сюсюканий, от которых Соню чуть не стошнило, неглупый мужчина Антон Петрович примчался к любимой ночью на такси.

Так что повторять весь этот перечень ему, и повторять почаще, имело смысл. Но Соне-то зачем?

– И в то же время, – вздохнула Лорка, – ведь у меня обидная любовь!

Это было что-то новенькое.

– Почему обидная? – удивилась Соня.

– Стихотворение такое есть. – Лорка спустила ноги с дивана и дотянулась до книжки, лежащей на тумбочке под телевизором. – Я вчера нашла. Вот послушай! Честное слово, как будто про меня. «Пробило десять. В доме – тишина, – с чувством прочитала она. – Она сидит и напряженно ждет. Ей не до книг сейчас и не до сна, вдруг позвонит любимый, вдруг придет?»

Соня почувствовала, как у нее сводит челюсть, будто она наелась незрелого кизила. Про то, как поэтическая женщина идет в свой добровольный плен, чтоб вновь служить, чтоб снова унижаться, еще можно было кое-как дослушать. Но когда Лорка принялась читать про друзей, которые в часы невзгод уговаривают героиню расстаться с женатым любовником, Соня решительно произнесла:

– Все, Лор, хватит! Длинное какое-то стихотворение. И с чего тебе страдать? Тем более с какого перепугу с ним расставаться? Приличный мужчина, по заднице при людях не хлопает, в сауну с пятью мужиками не тащит. В дом приходит – есть не просит. Сережки вон подарил.

– Ну, это да-а... – протянула Лорка. – Но все-таки... Все-таки он же не всегда со мной!

– Брось ты, – поморщилась Соня. – Скажи спасибо, что не всегда. Так ты для него праздничная конфетка. Вишенка на торте. А так была бы повседневная будня. Сразу бы претензии начал выставлять: заботься о нем, то-се. Тебе это надо? У него как, радикулита нет еще? Или что там у них в таком возрасте бывает, ишиас?

– Ничего у него нет! – обиделась Лорка. – Он спортивный. Следит за собой.

– Трахаться хочет, вот и следит, – безжалостно заметила Соня.

В конце концов, сколько можно глотать эти розовые сопли? Если Лорка дожила до двадцати пяти лет и все еще наслаждается подобным занятием – на здоровье. Но это же не значит, что и все должны.

– Но я же его люблю, – вздохнула Лорка. – Думаешь, притворяюсь?

– Не притворяешься, а просто себя заводишь. Если двадцать пять раз вслух повторить «люблю», на двадцать шестой покажется, что это и правда так.

«А заодно покажется, что ты не такая, как на самом деле есть, а нежный, беспомощный ангел», – подумала Соня.

Лорка, впрочем, и в самом деле напоминала ангела – с длинными светлыми локонами и широко распахнутыми голубыми глазами. Она и в первом классе, когда их с Соней посадили за одну парту, была такая же. Может, и не очень хорошо, что за восемнадцать лет человек совсем не изменился, но на Соню подружкина незыблемая ангельская внешность действовала умиротворяюще.

– Когда ты стала такой циничной? – укоризненно воскликнула Лорка.

– Я не циничная, а реалистичная, – улыбнулась Соня. – И всегда такой была. Все, Лоретта, я пошла.

Лоретта – это было полное Лоркино имя. Так что ее склонность заводить в себе возвышенные чувства, как будильник, можно было считать генетическим качеством.

Чтобы сократить путь, Соня вышла из комнаты через балкон. Он опоясывал весь дом и был чем-то вроде коммунального коридора – на него выходили двери всех квартир-малосеминок. Родители подарили Лорке эту квартиру на восемнадцатилетие. Несмотря на более чем привлекательную дочкину внешность, ее мама почему-то панически боялась, что та не выйдет замуж, и готова была сделать все и сверх того, чтобы облегчить ей устройство личной жизни. Самое удивительное, что мамины опасения оказались не напрасны, и никакая ангельская внешность Лорке пока не помогала. Ну да, правда, Соня считала, что удивляться этому не приходится: если человек настроен на возвышенное страдание, а все его близкие на хлопотливое сострадание, то именно это его и ожидает.

Прежде чем сбежать по железной лестенке, ведущей со второго этажа вниз, Соня привычно взглянула на море. Лоркин дом стоял на Чайной Горке, и оно было видно далеко, и город был виден весь, как россыпь сверкающих углей на широкой темной ладони.

«Огни Ялты поразили меня больше всего», – вспомнила она.

Кто это сказал, Соня вспомнить не могла. То ли Чехов, то ли Грин. Но саму ее огни Ялты всегда поражали так сильно и остро, что это чувство не стало привычным за все двадцать пять ее лет.

«Провинция рано старит» – а вот это Соня уже знала, чьи слова.

Так всегда говорила мама, когда кто-нибудь умилялся очарованию провинциальной жизни.

В сорок пять лет мама и в самом деле выглядела на шестьдесят. Она стала так выглядеть, когда ушел отец. Была-была молодая и вдруг состарилась в один день.

А отец совсем не состарился. Следил за собой. И прекрасно смотрелся со своей новой молодой женой, белокурой и голубоглазой. И как объяснить маме, что стариться из-за него не надо, Соня не знала.

«Я так не хочу! – сердито подумала она. – И не буду. Пошла бы она подальше, ваша провинция!»

Ночная тьма дышала весной, апрелем, и чем ниже Соня спускалась по улицам, тем явственнее слышался шум волн. У них на Садовой он был уже таким отчетливым, что казалось, море бьется прямо о стены домов. Соня нырнула в родную улицу, как в теплую воду: прохлада ялтинских склонов заканчивалась на подходе к набережной.

Она тихо поднялась по лестнице в подъезде, вошла в темную квартиру. Печку мама топила с утра, но окна были закрыты, поэтому тонкий запах сожженных персиковых веток чувствовался до сих пор.

– Ты, Сонечка? – спросила мама, когда она шла к себе через ее комнату.

– Спи, ма. – Соня каждый раз улыбалась, когда мама вот так вот спрашивала. Сама ведь, она знала, узнает дочкины шаги, еще когда та проходит под окнами. – Конечно, я.

Не включая свет, Соня распахнула окно в своей комнате, и сразу же вплыл с улицы запах магнолии и глицинии – вечный апрельский ялтинский запах.

«Уеду, – вдохнув его поглубже, подумала Соня. – И чего я до сих пор ждала?»

Может, и странно было так отчетливо, так твердо подумать об этом именно сейчас, когда голову кружили любимые запахи. Но Соня этому не удивилась. Ее решения никогда не зависели от внешних обстоятельств. Она и сама не всегда понимала, откуда они берутся, эти решения. Она принимала их вроде бы и не по логике, и все-таки они были решениями, а не капризами, это Соня почему-то знала.

Хотя вообще-то решение уехать из Ялты можно было считать вполне логичным. Ну что ей тут делать? Она красивая, неглупая, самостоятельная и жизни не боится. Раз до сих пор замуж не вышла, значит, уже и не выйдет, да и не больно-то хочется. И что? Сидеть, как Лорка, на диване в розовом халатике, ждать, когда стареющий ходок уделит ей украденное у жены внимание, да еще и стишки при этом читать для возбуждения чувств?

При мысли о такой перспективе Соню даже передернуло. Нет уж, это точно не для нее!

С набережной доносилась музыка – курортники уже съезжались в Ялту, и вечернее гулянье становилось долгим, набирало летнюю беззаботность. Мама потому и боялась ложиться спать с открытым окном, и Соню просила этого не делать. Мало ли что придет в голову какому-нибудь пьяному гуляке?

Как ни долго просидела Соня у подружки, как ни медленно шла домой, а правильный ночной покой все еще был ей нехвата. Только теперь, нырнув в привычное домашнее умиротворение, она это поняла. Совсем ей умиротворения не хотелось.

Она закрыла окно и вышла из комнаты.

Конечно, Соня не очень хорошо помнила времена, когда ялтинская набережная выглядела иначе, чем сейчас. Да и умилением по поводу советского прошлого она не страдала. Но почему-то чувствовала, что набережная теперь какая-то... не такая. Хотя и не понимала, какой она должна быть. Может, только в это вот краткое апрельское время маячила у нее в голове какая-то смутная на этот счет догадка. Но апрель проходил быстро, и догадка не успевала стать мыслью.

Толпы на набережной еще не было, и шума, пьяного, бессмысленного ора, тоже еще не было, а были просто гуляющие люди, и были их разговоры, смех, и все это смешивалось с шумом волн, не заглушая его, как не заглушала его и музыка, еще не исступленная по-летнему, а просто веселая.

И люди, приезжающие в Ялту в апреле, тоже были еще не летние. В них не было той жадной однозначности отдыха, которой отличались отдыхающие в июле и особенно в самом дорогом месяце августе. Соне казалось, что те, августовские, люди даже воздух все вдыхают одинаково – как оплаченное, а значит, по праву принадлежащее им благо.

А апрельские люди все были разные, и Соня любила рассматривать их, стараясь угадать, кто они, откуда и зачем приехали в Крым.

Она прошла почти до самого конца набережной и села на лавочку под высоким навесом, который назывался «слоновьи уши». Наблюдать за гуляющими отсюда было удобно. К тому же Соня давно заметила: к девушке, сидящей под «ушами», почему-то гораздо реже пристают с намерением познакомиться. Наверное, было в этом странном сооружении что-то такое основательное, из-за чего мужчины проходили мимо, не задерживаясь. Потому что не за основательными же знакомствами они сюда приезжали.

Но на этот раз Сонино наблюдение не сработало. Только она пристроилась на краю лавочки и окинула взглядом женщину лет сорока, стоящую у парапета – очень интересная та

была, вся переполненная нервной трепетностью, которой трудно ожидать от женщины такого возраста, – как сразу же услышала:

– Девушка, а вы замечали, как богата весенняя Ялта?

В тоне произнесшего эти слова мужчины не было ничего пошло-игривого. Он был даже приятный, этот тон. И голос тоже.

Мужчина сидел на противоположном краю лавочки и искоса поглядывал на Соню. Наверное, он присел сюда одновременно с нею, иначе она заметила бы его раньше. Он был довольно интересный. Во всяком случае, время разговора с ним, кажется, можно было не считать абсолютно потерянным.

– Чем это она так уж богата? – пожала плечами Соня.

– Хотя бы красками. Притом даже не в сравнении с Подмосковьем.

– А в сравнении с чем?

– Например, с Цейлоном.

– Вы были на Цейлоне?

Это было уже и вовсе интересно!

– Был. Работал там. Это очень яркий мир, но Ялта куда живописнее. Вы ведь местная?

– Да, – кивнула Соня.

Странно, что он об этом догадался. Обычно ее принимали за приезжую. И никогда не могли определить, откуда.

– Значит, привыкли. А я вот наглядеться не могу.

Разговор завязывался из тех, которые Соня любила. Легкий, необременительный, мимолетный разговор, в котором сразу чувствуется, что собеседник не преследует никакой тайной цели.

К женщине, стоящей у парапета, подошел молоденький парнишка. Ее лицо просияло, все его линии мгновенно переменились, нервное оживление искрами брызнуло из ее глаз. Парнишка взял женщину за руку, подвел к лавочке, и они сели между Соней и ее собеседником. Соня встала и заметила, что тот поднялся с лавочки одновременно с нею – не вслед за ней, а вот именно одновременно.

Они прошли вдоль парапета и остановились под вторым «слоновым ухом».

– Да, так вот, – продолжая разговор, сказал он, – на Цейлоне природа буйная, так сказать, победительная. А здесь... Нет, пока не подберу слов. Все-таки я не писатель и даже не филолог.

«А кто вы?» – чуть не спросила Соня.

Она уже и рот открыла, чтобы спросить, да в последний момент сдержалась. Когда женщина задает такие вопросы на третьей минуте знакомства, да еще и не знакомства даже, это производит такое же впечатление, как если бы она поинтересовалась зарплатой.

– Скажите, а где у вас здесь варят приличный кофе? – спросил он.

– Да вообще-то везде, – пожала плечами Соня.

Кофеманкой она не была, и любой кофе, даже растворимый, казался ей на один вкус.

– Тогда не составите ли компанию? Во-он там, по-моему, симпатичное местечко.

Он указал на столики, уже выставленные на огороженной площадке перед гостиницей «Ореанда». Соня кивнула.

– Михаил Павлович, – представился он, когда они сели за столик.

Что он назвал себя не Мишей, а по отчеству, Соне понравилось. По крайней мере, молодиться не старается, как Лоркин возлюбленный. И животик вон отрастил. Хоть и неромантически, зато по возрасту. Не следит за собой.

Впрочем, общий вид у этого Михаила Павловича был вполне подтянутый. Да и животик, если честно, едва наметился. И вообще, выглядел он так, словно его покрыли очень тонким слоем воска, и это придало ему не глянцеvitость, а респектабельность. Соня сразу догадалась, что это вот именно респектабельность, хотя никогда ее раньше не видела. Но в книжках она

про нее читала и теперь с удивлением поняла, что наяву это свойство ни с каким другим не перепутаешь.

– Меня зовут Соня, – сказала она. – Соня Гамаюнова.

– Интересное имя. – Он чуть заметно улыбнулся.

– Обыкновенное, – пожала плечами Соня.

– Не скажите. Раз услышишь – не забудешь. Что вы будете пить, Соня? Или, может быть, хотите поужинать?

– Да нет, поздно уже ужинать, – отказалась она. – И кофе я не буду, а то до утра потом не усну и на работу просплю. Лучше горячий шоколад.

– А я думал, у вас отпуск, – заметил он. – Раз вы ночью по набережной гуляете.

– А может, я из-за своей романтичности гуляю, – усмехнулась Соня.

– Ну уж этого точно быть не может, – ответно усмехнулся Михаил Павлович.

– Почему?

– На романтическую особу вы ни с какого боку не похожи.

– А на кого же я похожа? – поинтересовалась Соня.

Ей в самом деле было интересно. И чем дальше, тем больше возрастало ее любопытство.

– На девушку с красивой внешностью и холодной головой. Но при этом не циничную.

Привлекательное сочетание.

Никто еще никогда не делал Соне таких комплиментов! То есть что она красивая, конечно, говорили, да она и сама это знала. Но в таком вот перечне, да еще произнесенном невозмутимым тоном, это звучало почему-то так приятно, что у нее даже щеки порозовели.

– Потому я и подумал, – все с той же невозмутимостью добавил Михаил Павлович, – что вы сейчас в отпуске и можете себе позволить долгие разговоры под шум ночных волн. Но если вам завтра рано на работу, то задерживать вас долго я не стану.

– Да мне вообще-то не очень рано, – призналась Соня. – Завтра парикмахерская только после обеда открывается.

– Так вы парикмахер! Странно. А я-то гадаю, кем может работать в Ялте такая девушка. Что не бухгалтером, точно. Но и на музейного работника вы вроде не похожи.

– А что, в Ялте, по-вашему, только бухгалтеры и музейные работники живут? – засмеялась Соня.

– Похоже, что так. Ну, еще официантки и продавщицы. Во всяком случае, два дня наблюдений за местными жителями создали у меня именно такое впечатление.

– А зачем вы за ними наблюдали? – хмыкнула Соня.

– Но ведь и вы наблюдали, – заметил он. – Даже на скамеечку присели, чтобы удобнее было.

– Это мое личное дело! – рассердилась Соня.

– Неоспоримо.

Он говорил ровно то, что говорил. Без всякого там двойного дна или второго смысла. Соне стало неловко от того, что она ему почти нахамила.

– Ну да, мне нравится за людьми наблюдать, – кивнула она. – И... И мне это вообще-то даже надо!

Эти последние слова вырвались как-то сами собой. И Михаил Павлович сразу на них отозвался.

– Для чего? – спросил он. – Актрисой хотите стать?

Если бы Соня не умела управлять выражением своего лица, у нее точно отвисла бы челюсть.

– А как вы догадались?.. – пробормотала она.

– Ну а кем же еще? – улыбнулся Михаил Павлович. – Все красивые девушки хотят быть актрисами. Или певицами. Или моделями. Я и выбрал для вас наиболее интеллигентную мечту. Согласно вашей непримитивной внешности. Так вы, значит, в Москву собираетесь?

– Да! Ну и что?

Соня расслышала в своем голосе вызов.

– Правильно делаете. Хотя результат не очевиден. Конкурсы во всяческие театральные и киноинституты, насколько я слышал, опять взлетели.

– А я и не собираюсь в театральный институт, – поморщилась Соня. – По-моему, про очень многие вещи зря говорят, что им будто бы надо учиться. Положено так говорить, вот и говорят. Ну, и чтобы посторонние не совались. А на самом деле ничему там учиться не надо. Или можно очень быстро на практике выучиться.

И тут Михаил Павлович расхохотался. За время недолгого с ним общения Соня успела отметить его невозмутимость, и его смех ее даже удивил.

– Вы почему смеетесь? – спросила она. – Тоже хотите сказать, что без учебы не выловишь и рыбку из пруда? Жизнь доказывает обратное.

– Меньше верьте глянцевым журналам, – пряча улыбку, сказал он. – Истории про то, как простые люди приехали покорять столицу, и покорили, и стали великими, эти якобы великие люди, как правило, придумывают. На самом деле все у них было совсем не так.

– В каком смысле не так? – не поняла Соня. – Разве они не покорили столицу?

– Конечно, нет. Просто они ей пригодились. Про тех, которые покорили, в глянцевых журналах не пишут. Но вы об этом не думайте, Соня. Делайте, что собрались. – Тут он быстро взглянул на часы и поднялся из-за стола. – А мне, извините, пора. Допивайте, допивайте шоколад, не торопитесь. Может, позвоните мне, когда будете в Москве? Помощи в артистической карьере, правда, не обещаю.

– Тогда зачем мне вам звонить? – пожала плечами Соня.

Михаил Павлович снова рассмеялся.

– Как наивен ваш прагматизм, Сонечка, – сказал он. – И как вы уверены в его состоятельности! Ничего, жизнь еще покажет вам свое жало и свои ценности. Вы девушка сообразительная, разберетесь. Всего доброго.

Михаил Павлович пошел по набережной не оглядываясь и вскоре скрылся в толпе. Соня почему-то почувствовала себя круглой душой. Хотя ничего подобного он ей понять не давал, наоборот, вел себя с ней очень доброжелательного. Было в нем что-то такое, что вызывало оторопь. Но вот что? Поди разберись!

Глава 2

Парикмахерская, в которой Соня работала, была самая обыкновенная, хотя и находилась в центре, рядом с кафе «Две бочки» возле рынка.

– Тебе, Соня, в салоне надо работать, – с удовольствием оглядывая в зеркале свою прическу, сказала Виталия Яновна. – У тебя утонченный, просто-таки французский, я бы сказала, вкус и прирожденный талант делать людей красивыми.

Виталия Яновна всю жизнь проработала руководителем театрального кружка во Дворце пионеров, а потому привыкла изъясняться возвышенно. Соня улыбнулась. Она занималась в кружке у Виталии Яновны до самого выпускного класса, но возвышенного слога от этого не приобрела.

– Зачем, Виталия Яновна? – пожала плечами она. – Если бы я в салоне работала, вы, например, ко мне уже не пришли бы. Да и вообще...

– Что вообще, Сонечка? – поинтересовалась старушка.

– Так. – Соня тряхнула головой. – Глупости.

Мысль, промелькнувшая у нее в голове, в самом деле показалась ей глупой. Или, по крайней мере, странной. Это была мысль о том, что парикмахерская работа, предпринятая три года назад только для заработка, увлекла ее гораздо больше, чем она могла от себя ожидать.

– Спасибо, милая девочка. – Виталия Яновна еще раз взглянула на себя в зеркало. – Вот гонорар.

Она всегда оставляла чаевые – парижские десять процентов. Соня предпочла бы, чтобы старушка с ее символической драмкружковской пенсией не тратила лишних денег. Да она вообще с удовольствием делала бы ей прическу бесплатно. Но сказать об этом Виталии Яновне Соня не решалась: чувствовала, что это прозвучит для той неприлично и обидно.

– Перевелись у нас в Ялте интеллигентные люди, – вздохнула полная пожилая парикмахерша Полина Максимовна, когда за старушкой закрылась дверь. – Скоро и эти, последние, повымрут. И приезжие уже не те. Раньше писатели приезжали, артисты. А теперь кто? Торговки с рынка.

Наверное, все было именно так, как она говорила. Но слушать ее Соне было скучно. Скучно было слушать слова, которые она могла предугадать еще до того, как они будут произнесены. В этом смысле правильное мнение Полины Максимовны ничем не отличалось от глупостей, вертевшихся в голове и на языке у Лоретты. Правда, как называлось то, что их объединяло, Соня не знала. Но наличие этого общего угадывала безошибочно.

– Девочки, а правду говорят, что есть такой цветок, который мышей отпугивает? – вспомнила Наташа, работавшая за соседним с Сонею креслом. – Я бы взяла, под окном посадила бы. У нас в доме, представляете, мыши завелись! Просто чума.

– Есть такой цветок. Рябчик называется, – охотно ответила еще одна парикмахерша, Надя. – У моей бабки в саду растет. Только мышей у нее по-любому полно.

– Лучше кошку возьми, – ответила Полина Максимовна. – Какой тебе рябчик?

Начинался тот бесконечный разговор, который не имел ни начала, ни конца – просто возникал, когда женщины приходили на работу, и иссякал, когда уходили. По счастью, у Сони не было отбоя от клиентов, поэтому она могла не слишком активно участвовать в этом разговоре, не выглядя при том белой вороной. К тому же клиентки приходили к ней не только чтобы подстричься, но и чтобы сделать макияж. Это не было предусмотрено в прейскуранте парикмахерской, и деньги за левую услугу – конечно, Соня делилась ими с заведующей – шли, минуя кассу. Но и времени на эту услугу отведено не было, так что Соне приходилось вертеться побыстрее. В общем, в разговорах можно было не участвовать – она и не участвовала.

Ночной собеседник не шел у нее из головы.

«Как он сказал? Жизнь еще покажет вам свое жало и свои ценности? – вспомнила она. – Какой-то он... странный!»

Она смутно чувствовала, что не странностью называется то ощущение, которое связалось у нее с этим Михаилом Павловичем. Наоборот, он держался так уверенно, как это присуще совершенной обыденности, а никак не странности. И она не могла даже сказать, что он ей понравился, то есть просто как мужчина понравился. Но что-то тревожило ее в нем – вернее, во вчерашнем с ним разговоре.

Разговор в зале вернулся тем временем к интеллигентным людям.

– А откуда ж они возьмутся, когда за эту вашу интеллигентность грошей-то не платят? – Наташа забыла про мышиный цветок и спорила теперь с Полиной Максимовной. – Вот хоть Соню возьмите.

– Что? – вынырнув из своих мыслей, вздрогнула Соня. – Куда меня возьмите?

– Да никуда, просто так возьмите. Ну, кончила ты пединститут – и что? Не в школу же пошла работать, а сюда вот. Потому что тут деньги, а в школе так, одно умственное удовольствие.

Соня как раз не видела для себя удовольствия – ни умственного, ни какого бы то ни было еще – в том, чтобы работать в школе. Она и свои-то школьные годы вспоминала с одной лишь скукой. Это было что-то вроде бесконечного разговора в парикмахерском зале: и здесь заранее можно было предсказать каждое следующее слово, и когда Соня училась в школе, то каждый ее следующий день был похож на предыдущий, и каждый следующий день можно было предсказать заранее. Потому ей и в голову не пришло пойти туда работать. А что закончила пединститут... Просто конкурс туда был маленький, так что поступить можно было без особенного труда, да и учиться тоже. Будь ее воля, она вообще не стала бы учиться в вузе, но мама так расстроилась, когда она об этом только заикнулась, что Соня плюнула на свое «не хочу» и поступила, куда пришлось. Ей не хотелось добавлять маме горя. Единственное, чем оказалась утомительна учеба, это необходимостью ездить каждый день из Ялты в Симферополь: общежития Соне не дали. Впрочем, когда ехать совсем уж не хотелось, то она просто пропускала занятия.

Она не затрудняла себя тем, что считала отвлеченностями, и не понимала даже, зачем это делать.

– И правильно Соня наша сделала, что в парикмахеры пошла, – возразила Наташе Полина Максимовна. – У нее же талант к этому делу прирожденный. А талант в землю зарывать нельзя, так и в Библии написано.

– Что это вы про меня как про покойницу разговариваете? – пожала плечами Соня. – А в Библии, между прочим, талант – это просто деньги. Вроде гривен. Их и не советовали в землю зарывать.

– Понятно? А вы – талант, талант!.. – фыркнула Наташа. – Сонька правильно за жизнь понимает.

День клонился к вечеру. Запах глицинии, вплывающий в открытое окно, становился таким густым и плотным, что его, казалось, можно было потрогать рукой.

– Пахнет-то как, хоть на хлеб намазывай, – сказала, заглядывая в женский зал, маникюрша Оксана. – По домам пора, девки.

– Кому по домам, а кому и по мужикам, – подмигнула Наташа.

Кресло, за которым она работала, стояло у самого окна. И когда прямо над ее ухом внезапно раздался пронзительный рев мотоцикла, Наташа вздрогнула и даже ойкнула.

– Я же говорю, кому куда, – тут же сказала она, опомнившись. – Сонь, твой приехал.

– Почему мой? – усмехнулась Соня.

– А то мой, что ли? Твой Никочка и есть.

– Со-оня!.. – послышалось за окном. – Я уже ту-ут!

Ник всегда орал так, словно стоял со своим мотоциклом не на городской площади, а в глухом лесу. Ну да, правда, возле «Двух бочек», к вечеру особенно, бывало так шумно, что его крик не казался слишком громким.

Соня выглянула в окно. Парикмахерская располагалась на первом этаже, и они с Ником чуть не столкнулись лбами.

Он был великолепен! Ник, конечно, а не его лоб. Лоб, впрочем, тоже выглядел эффектно. На него падал лихой каштановый чуб, а дальше, то есть ниже следовали сказочные соболи брови, и лихие же карие глаза, и нос правильной римской формы – Соне всегда казалось, что предки Ника были легионерами и приплыли к берегам Крыма по Понту Эвксинскому из каких-нибудь римских колоний, – и прекрасные изогнутые губы, настоящий лук Амура.

Весь этот полный комплект счастья был теперь перед нею. Ник стоял, небрежно облокотившись на свой сверкающий «Харлей». На согнутой руке у него болтались два мотоциклетных шлема, яркие, расписанные какими-то стремительными орнаментами.

– Сонь, – сказал он, – давай скорее, а? Скоро темно же будет.

– Что скорее давать? – не поняла Соня.

– Ты забыла, что ли? – Ник обижался всегда смешно, как ребенок, даже губы надувал совсем по-детски. – Обещала же!

– А!.. – наконец вспомнила Соня. – Ну да, обещала. Я думала, ты забыл.

Ничего она, конечно, такого не думала. Просто сама забыла, что пообещала Нику поехать с ним в Васильевку.

– Короче, выходи, – сказал Ник.

Особенно торопиться Соня все-таки не стала – знала, что Ник никуда не денется и по-настоящему на нее не обидится. Она убрала свой стол, сдала выручку, умылась, переоделась... Ник совсем извелся под окном, но, как только она вышла, все неприятности ожидания сразу выветрились у него из головы. Он вообще не умел долго переживать неприятности, такая уж была у него натура. Счастливая, конечно, но и скучная. Во всяком случае, для Сони.

– Поехали скорей, а то мясо прокиснет, – поторапливал он, пока Соня надевала шлем.

«Харлей» устал ждать точно так же, как его хозяин. Этот огромный мотоцикл вообще казался Соне живым существом, вроде лошади, и она понимала Никину к нему страсть.

«Харлея» подарил Нику дядюшка, уже двадцать лет живущий в Техасе, и, может быть, поэтому совсем легко было представить Ника ковбоем, рассекающим пыльные прерии. Или что там у них в Техасе, саванна?

Однако «Харлей» мчался не по прериям, а по узким ялтинским улочкам. Он рвался на свободу, на весенний крымский простор, и Ник громко смеялся, сидя у него на спине, и не обращал внимания на возмущенных прохожих. Он был так счастлив этим стремительным, могучим порывом, что даже Соне становилось весело, хотя никакой особенной любви к езде на мотоцикле она не испытывала.

Глава 3

Васильевка – старая татарская деревня Ай-Василь – находилась в горах близ Ялты. Здесь все напоминало не Южный Берег, а степную часть полуострова – неярким простором пейзажей. И, наверное, Крым здесь, в Васильевке, совсем не был похож на остров Цейлон.

«Дался мне этот Цейлон! – сердито подумала Соня. – То есть мужик этот дурацкий».

Почему он ей «дался», Соня не понимала. А все, чего она не понимала, заставляло ее сердиться на себя. Она не любила не понимать, слишком прямая у нее была для этого натура.

«Харлей» промчался через Васильевку, вылетел на дорогу, ведущую в горы, и понесся навстречу закату.

– Я же говорил, темно будет, не успеем! – прокричал Ник, поворачивая к Соне веселое лицо.

Глаза его сверкали в окошке шлема. Любоваться красотами весеннего вечера – не по нему было такое занятие. Солнце садится, значит, будет темно, не успеем засветло шашлыки зажарить. Из-за такого вот здорового прагматизма, из-за такого непонимания оттенков жизни с Ником всегда было легко. Из-за этого Соня и гоняла с ним на сверкающем «Харлее», и не отвергала его давних, с пятого класса еще, ухаживаний.

Мотоцикл взлетел на взгорье, ухнул в распадок, снова взмыл вверх, будто собираясь оторваться от земли. Несмотря на бешеную скорость, Соня видела, как раздаются впереди вечерние облака, как их серебряная ширь все больше заливается сначала золотом и тут же – алым закатным огнем. Как всегда на юге, темнело быстро; игры этой небесной оставалось минут на десять, не больше.

– Приехали! – сказал Ник и заглушил мотор.

Место, где они остановились, больше всего нравилось Соне в окрестностях Васильевки. Оно находилось на горе, на плоской вершине, но было защищено от ветра другими вершинами и казалось поэтому тихим, как равнина. Только просторный вид, который с него открывался – холмы, поросшие чистой апрельской зеленью, светлые горные тропинки, – напоминал о его возвышенном положении.

– Это я тебя обманул вообще-то, что не успеем. – Ник открыл массивный ящик, прикрепленный сзади к «Харлею». – Все готово.

Он достал из ящика завернутые в фольгу шампуры с нанизанным на них мясом. Соня стала было собирать ветки и щепки для костра, но и дрова, как оказалось, у Ника тоже были с собой. Он не был занудой – какое! – просто не терпел провололочек.

Дрова, точнее, ветки были из старого сада, который сажал еще Никин дед. Как только они загорелись, Соня почувствовала тот единственный, ни на что не похожий запах фруктового дыма, который любила с детства, потому что он связывался у нее с домом и Крымом. Мама тоже иногда топила печь ветками плодовых деревьев, вот как вчера; Соня ушла ночью гулять на набережную, и чистый персиковый запах ее проводил. А потом она встретила этого непонятного – ну чем, чем непонятного, черт бы его побрал! – мужчину и разговаривала с ним о жале и ценностях жизни.

В темноте, под тихое потрескивание веток, даже Ник как-то притих. Он сел на траву рядом с Соней и вздохнул.

– Что ты? – спросила она, глядя на огонь.

– Да так... Дядька в Америку зовет. И мать говорит, пора. Чего, говорит, тут дождемся?

– А ты не хочешь?

– Не-а...

– А я хочу! – тряхнула головой Соня.

– В Америку? – оживился Ник. – Так поехали! Нет проблем.

– Как же нет проблем? – улыбнулась Соня. – Кто это меня в Америку впустит?

– Ну, замуж за меня выйдешь, – пожал плечами Ник. – Вот и впустят.

Соня улыбнулась. Ник впервые позвал ее замуж в день их знакомства. Это было первого сентября, и он был в классе новенький: перешел из окраинной школы в центральную. В здании, где теперь была Сониная школа, раньше располагалась женская гимназия. В нее ходила Цветаева, когда девочкой жила в Ялте, и другие многие люди в нее ходили – их фотографиями полны были выпускные альбомы, хранившиеся в библиотеке, и лица у девочек на этих фотографиях были такие, каких не увидишь на улице.

Но всего этого Соня тогда не знала, да и некогда ей было думать про всякие неважные вещи. Она стояла в глубокой нише под полукруглым оконным сводом и, положив тетрадку на широкий подоконник, торопливо дописывала сочинение, которое задавали на лето и о котором она вспомнила только вчера вечером, а потому не успела дописать.

– Тебя как зовут? – услышала она у себя за спиной.

– Соня, – не оборачиваясь, ответила Соня. – Соня Гамаюнова.

Вообще-то она хотела ответить: «Отстань, не до тебя!» – но на резкий ответ требовалось больше времени, чем на обыкновенный.

– Красивое имя. У меня жена будет Соня.

Тут Соня не выдержала и обернулась. И впервые увидела Ника. Он был точно такой же, как сейчас, – с таким же каштановым чубом, с таким же лихим взглядом карих глаз.

– Какая еще жена? – глядя в эти яркие глаза, удивленно спросила Соня.

Она в эту минуту как раз пыталась вспомнить, через сколько «н» пишется слово «ветренное», потому что писала о том, как выходила с отцом в море на рыбалку, – и от слов про жену, конечно, оторопела.

– Ну ты, например.

Соня так изумилась, что у нее даже рот открылся. И тут же ей стало до того смешно, что она сначала прыснула, а потом расхохоталась громко, во весь голос, так, что эхо запрыгало под арочными сводами.

– Ты наш новенький, что ли? – отсмеявшись, спросила она. – А как тебя зовут?

– Ник.

– Это что за имя? Николай?

– Никандр. Но меня так по-дурацки не называют. Только Ник.

– Слушай, Ник, – спросила Соня, – как «ветренное море» пишется? Через одно «н» или через два?

– Откуда же я знаю? – Ник даже удивился странному предположению, что ему могут быть известны такие глупости. – Я тебя лучше на лодке покатаю. По ветреному морю.

Весь он был в этом. И весь остался таким же спустя десять с лишним лет. И по-прежнему Соня никак не отвечала на предложение выйти за него замуж, которое он время от времени повторял.

Искры рассыпались в темноте над костром, как жаркие звезды. И настоящие звезды, серебряные, уже проступили на небе.

– Не хочу я в Америку, Ник, – сказала Соня. – Я в Москву уеду.

– С кем? – помолчав, спросил он.

– Одна.

Ей стало так легко, когда она произнесла это вслух! То есть вчера она уже говорила это, но то был разговор с посторонним человеком, и слова, произнесенные в таком разговоре, ничего не закрепляли. А Ник был свой, и то, что было сказано ему, словно становилось частью этих гор, и этих звезд над горами и морем, и этой выющейся между холмами дороги – частью всей Сониной жизни.

– Не уезжай, Сонь, – сказал он.

Она не ответила.

– Шашлыки готовы, – вздохнул Ник. – Тебе бараний или свиной?

– Все равно, – улыбнулась Соня.

Они съели по шашлыку, запили «Алуштой» – это было любимое Сонино вино, и Ник всегда покупал его, встречаясь с нею, – и легли рядом на траву.

– Звезд таких в Москве не будет, – глядя в глубокое, пронизанное огромными звездами небо, проговорила Соня.

– Тебя не будет. И чего тебе в той Москве? – с тоской сказал Ник.

Теперь, когда она сказала ему, что уедет, когда неизбежность расставания скрепилась твердыми словами, он стал таким близким, каким не был никогда за все проведенные рядом годы. Это было странно, Соня не понимала, почему это так. Но это было именно так, и она чувствовала неожиданную близость с ним так пронзительно, как будто они лежали не рядом, а друг у друга в объятиях.

– Тянет, Ник. – Соня улыбнулась, и ей показалось, что он увидел ее улыбку, хотя было уже совсем темно и костер погас, только тлели в нем сумрачные угли. – Ничего я про эту Москву не знаю, какая она, я же там один раз только была – помнишь, нас в девятом классе на зимних каникулах возили? А – тянет.

Он не ответил. Соня почувствовала, как его рука легла в темноте на ее руку. Это было неожиданно – за все годы Ник ни разу не попытался обнять ее, поцеловать, вообще, хоть как-то выказать мужское к ней влечение, которого, Соня понимала, не могло у него не быть.

Это было странно, но она не удивилась. Все стало возможным после ее прощальных слов. Именно после прощальных слов.

Ник осторожно потянул Соню за руку. Потянул и замер, ожидая. Она подвинулась к нему, перевернулась на бок и, подперев голову рукой, прижалась к его боку. Он сразу перевернулся на бок тоже и обнял ее – обнял крепко, горячо, со всем жаром своей молодости, лихости своей. Он так долго ждал этого, что теперь, Соня чувствовала, весь сгорал от того, что его желание может наконец осуществиться.

И почему ей было не осуществить его желание?

За двадцать пять своих лет Соня успела понять: в жизни очень мало вещей, которые действительно что-то значат. И то, что стыдливо называют интимом, к таким вот значимым вещам не относится точно. Для того чтобы в этом убедиться, ей хватило первого же опыта на первом же курсе, когда она впервые осталась ночевать в институтском общежитии, потому что опоздала на последний троллейбус, уехавший из Симферополя в Ялту.

Соня отчетливо помнила единственную мысль, которая ударила ее изнутри той ночью, когда она лежала рядом со своим первым мужчиной – да каким мужчиной, просто парнишкой с третьего курса! – и, пользуясь тем, что он спит, разглядывала его голое, раскинувшееся, отдыхающее после удовольствия тело.

«И вот это люди считают важным? – с изумлением, даже с каким-то горестным недоумением думала она. – И ради этого отец сделал маму несчастной, ушел к чужой, совершенно посторонней женщине – жить к ней ушел, жить, просыпаться с ней в одной кровати, чай с ней утром пить, гриппом с ней болеть?.. Господи, да что ж они за существа такие, люди?!»

Она не считала этот самый интим важной причиной для того, чтобы сделать человека несчастным. И не понимала теперь, почему до сих пор отказывала в нем Нику, ведь точно знала, что эта ничего для нее не значащая малость сделала бы его счастливым. Но, наверное, именно поэтому и отказывала: счастье не связывалось для нее с телом, и она не хотела обнадеживать Ника тем, чего не могла ему дать.

Но сейчас она ведь сказала ему, что уедет, а значит, ничем его не обнадежит. И пусть он обнимает ее, и целует, и лихорадочно дрожащими руками расстегивает пуговицы на ее белой

маечке, которые на самом деле не пуговицы, а обманки, и маечка просто снимается через голову...

Соня стянула с себя майку. Ник глухо вскрикнул и прижался лицом к ее голой груди. Она почувствовала, как дрожат его губы. Он вел ими вдоль ее тела, вниз по груди, по животу, и на протяжении всей этой горячей дороги они дрожали сильнее и сильнее, и когда он стал расстегивать ее джинсы, тоже чуть ли не губами расстегивать, то губы у него были уже как оголенные электрические провода.

– Подожди, Ник, – сказала Соня. – Я сама джинсы сниму.

Она не боялась обидеть его в эту минуту простыми, внятно произнесенными словами. Он сам был человеком простых слов и таких же простых действий, и она чувствовала к нему сейчас такую тихую нежность, которую невозможно было разрушить ничем.

Соня разделась, и Ник разделся тоже. До сих пор он не успел этого сделать – наверное, боялся, что, пока он будет расстегивать многочисленные крючки и заклепки на своей мотоциклетной одежде, Соня передумает. А теперь разделся наконец, и снова лег рядом с Соней на холодеющую землю, и сразу обнял ее торопливо и горячо.

– Дай хоть куртку подстелю, – шепнул он. – Простудишься.

– Ничего.

– Давай подстелю. Не хочу же я быстро, Сонь...

Эти слова прозвучали с таким мальчишеским смущением, что Соня едва сдержала смех.

– Ты хороший, Ник, – сказала она.

Это было правдой. Редко ей приходилось говорить что-нибудь так искренне.

Ник постелил на землю свою широкую кожаную куртку. Внутри она еще хранила тепло его тела, и лежать на ней было хорошо и спокойно. Соня так и лежала бы – под звездами, под теплым, едва ощутимым ветерком, под поцелуями Ника, – но его-то сжигало совсем другое желание, и лежать спокойно он не мог.

Он был тонкий в кости и легкий; Соня почти не почувствовала тяжести его тела, когда он оказался над ней. И у себя внутри его почти не почувствовала тоже... Это было так странно! Почему не загоралась она в ответ на такую чистую, такую сильную страсть, и не страсть просто, это-то она понимала, а – любовь?

«Значит, и не может со мной этого быть, – холодно, как о посторонней, подумала она. – Ну и что? Есть вот люди, которые плавать не умеют и научиться не могут. Или машину водить. И ничего, живут».

У них в классе была девчонка, которая даже на велосипеде ездить не могла научиться. Просто не понимала, как это – держать равновесие. Не чувствовала, как это. А она, Соня, значит, не чувствует, как это – загораться от страсти телесной, даже от страсти такой чистой и горячей, как у Ника.

Что ж, проживет и без этого. А Нику хватит и того, что она по-настоящему к нему чувствует. Вот этой нежности хватит, прощальной и потому пронзительной.

Соня ждала, когда затихнут в ней отзвуки его тела. Это произошло быстро – желание его осуществилось сегодня так неожиданно, что он просто перегорел от такой мгновенной воплощенности своего самого сильного желания.

– Прости... – шепнул он, еще вздрагивая в ней и над ней, но уже изредка лишь вздрагивая, уже завершено. – Что-то я поторопился...

– Ничего.

Она пошевелилась под ним, высвобождаясь, и Ник сдвинулся в сторону, лег рядом.

– Ничего, – повторила Соня. – Все хорошо.

– Да тебе-то хорошо и не было. Что я, совсем дурак, не понимаю? Но это просто что в первый раз мы с тобой, Сонь! – горячо проговорил Ник. – Если б ты не уезжала... Давай вместе в Москву твою поедem, а? – предложил он. – Ну что ты там одна будешь делать? На такую,

как ты, мужики кидаться будут, как собаки голодные. А мужики же все гады в основном. Кто-нибудь обязательно обидит.

Соня уже привыкла к темноте, а потому увидела, как при этих словах у него дрогнули ноздри и сузились глаза.

– Брось, Ник, – улыбнулась она. – Меня обидеть нельзя, будто не знаешь. Я посторонних к сердцу не беру. А близких у меня в Москве нету.

Это было правдой. Соня знала, что защищена от обид и несправедливостей мира самой прочной защитой – безразличием к его несовершенству.

– У тебя внешность обманчивая, – вздохнул Ник. – Слабая ты с виду. Характер у тебя, конечно, не слабый. Но ведь посмотришь, ни за что не скажешь.

– Ну и хорошо! – засмеялась Соня. – Раз обожгутся – больше не полезут. – Она села, обхватила себя за плечи, поежилась. – Поехали, а? Который час? Я и маму даже не предупредила.

– Может, шашлыка еще съешь? – предложил Ник. – Вон сколько осталось.

– Вези домой, – отказалась Соня. – Сережку накормишь.

Сережка был Никин младший брат. Ему недавно исполнилось четырнадцать, и мясо он мог есть в любых количествах и в любое время суток.

– Ну, поехали, – кивнул Ник. И спросил, помолчав: – И почему у тебя ко мне... вот так? Не знаешь?

Соня не знала. Они оделись, не глядя друг на друга; хорошо, что было темно. Ник завел мотоцикл. Мотор заработал как-то тихо, словно и он опечалился, как его хозяин.

Из Васильевки, с гор, спускались вниз, к Ялте, к морю, и воздух становился теплым, как будто где-то по дороге была граница совсем другого мира, другой жизни. Соня так и чувствовала: что-то остается у нее за спиной, из чего-то она уходит, и уход этот не сопровождается болью – только светлым, ясным чувством прощания.

* * *

В маминой комнате горел свет. Он падал из окна на высокую магнолию, растущую рядом с домом, и издали казалось, что ее крупные белые цветы светятся тоже.

Когда Соня подошла поближе к дому, то увидела, что окно открыто и мама смотрит со второго этажа, как она идет через двор.

– Ну почему ты не ложишься? – спросила Соня, останавливаясь под окнами. – Волнуешься? Зря.

– А я и не волнуюсь, Сонечка. – Мама улыбнулась ей сверху. Второй этаж в старом доме на Садовой был невысокий, и они разговаривали и видели друг друга так, будто стояли рядом. – Я же чувствую...

Что она чувствует, мама не сказала, но Соня знала это и так. Мама всегда чувствовала, надо вот сейчас, в эту самую минуту, волноваться за дочь, или все у нее в порядке.

– Поставь чайник, ма, – попросила Соня. – Ник шашлыки переперчил, пить хочу – умираю.

– Только что вскипел, – сказала мама. – Сейчас чаю заварю.

Чай пахнул знакомыми травами – мама всегда покупала их у Фатимы, пожилой татарки, носившей по дворам травы и приправы, – лампа светила ласково и ясно, сверчок уютно пел за печкой, как пел он в их доме с самого Сониного детства... Соня с мамой сидели за столом, покрытым вязаной кружевной скатертью. Когда-то мама любила вязать и вышивать, выписывала какие-то журналы с узорами. В детстве Соне казалось, что в этих вышивках и кружевах есть что-то незблемое, на чем и держится жизнь. Но потом она поняла, что это ей вот именно

казалось: отца не удержали ни вышивки, ни кружева, ни любовь, ни отчаяние. Так что на чем в действительности держится жизнь, Соня теперь не знала.

– Какая же ты у меня красивая, доча, – сказала мама, глядя на Соню сощуренными близорукими глазами. – Светишься прямо.

– Ну уж, мам! – улыбнулась Соня. – Прямо-таки свечусь. Просто ты меня любишь, вот тебе и кажется.

– И ничего не кажется, – покачала головой мама. – Ты лицом в отца пошла, а у них ведь в Сибири красота особенная.

Сонин дед по отцовской линии приехал в Ялту после войны, когда вместо выселенных крымских татар на полуостров со всего Советского Союза зазывали работников. Отец ее родился уже здесь, в Крыму, но внешность у него и правда была для здешних мест необычная, и Соня ее действительно унаследовала. Таких высоких, причудливо изогнутых скул, таких глаз, больших, но вытянутых к вискам, не было ни у кого во всей их школе. Если бы глаза у Сони не были странного, каре-зеленого, а волосы пепельного цвета, ее, пожалуй, принимали бы за татарку. Правда, глаза ее отличались от татарских не только цветом, но и особенным холодноватым выражением, из-за которого многие считали Соню Гамаюнову гордячкой. И не сильно-то ошибались, по справедливости говоря: она и сама считала, что не на помойке себя нашла.

– В Васильевку ездили? – спросила мама.

– Ага. Я тебя забыла предупредить. Но я, честное слово, и сама забыла, что Ник сегодня шашлыки затеял.

– Жалко, что ты его не любишь, – вздохнула мама. – Хороший мальчик, чистая душа. И семья у него хорошая, порядочная. Вышла бы замуж, родила бы ему деток, мне внуков...

– Мама, мама! – Соня даже ладони перед собою выставила. – Ну каких еще деток? Я про это вообще не думаю. А тем более с Ником. – Она вспомнила, как вздрогнула его рука, когда легла на ее руку в темноте, и добавила: – Хотя он и правда хороший, конечно. Ну, я к нему слишком привыкла, может... А может, и другое что-то. Не знаю! Но замуж за него не хочу. И вообще ни за кого не хочу. – И, помолчав, словно собираясь прыгнуть в холодную воду, все-таки выговорила: – Я в Москву хочу уехать, ма.

– Как в Москву?! – В мамином голосе послышался ничем не прикрытый ужас, такой, словно дочка объявила, что хочет уехать в Африку к людоедам. – Господи, да зачем же это?..

Объяснить это маме честно было бы невозможно. Соня любила ее, но при всей своей любви понимала, что для мамы существуют только простые и ясные доводы. Такой довод она и выбрала из всех возможных.

– Артисткой хочу быть, – сказала Соня.

– Но зачем же в Москву? – Волнуясь, мама обхватила ладонями чашку, и та задрожала на блюдце. – И в Симферополе ведь можно... Театр там есть... И фильмы... Фильмы у нас тоже снимают, много снимают, я сама вчера на набережной видела! – воскликнула она с отчаянием.

Соня быстро поднялась из-за стола, подошла к маме и обняла ее. Та сразу заплакала.

– Мам, ну мам, ну перестань!.. – приговаривала Соня. – Вот именно что сейчас много фильмов снимают. Это же не то что раньше, одна Любовь Орлова на всю страну была. Теперь артисток много. Почему же мне не попробовать?

Соня знала, что ее слова звучат резонно. Да и голос, уверенные интонации... Все это, конечно, должно было успокоить маму.

Так оно и вышло.

– Не знаю я, Сонечка... – последний раз всхлипнув, проговорила та. – Ну как ты это себе представляешь? У нас же в Москве никого, ни единой души! Вот вышла ты из поезда на перрон – и что? И куда?

– Придумаю что-нибудь, – улыбнулась Соня. – Я же еще не завтра уезжаю.

Конечно, наиболее успокоительным оказалось для мамы именно это – что дочка уезжает не завтра. Ну, и верить в Сонины способности она привыкла. Раз девочка обещает что-то придумать, значит, так оно и будет.

– Ложись, моя хорошая, – вздохнула мама. – И правда, что это мы на ночь глядя такой серьезный разговор затеяли? Разволнуешься, сон не придет.

Сон в самом деле не приходил.

Только теперь, в одиночестве, Соня наконец поняла, каким сильным, странным, необъяснимым был сегодняшний день. Удивительно было лишь, что это ощущение силы и странности никак не связывалось с тем, что должно было бы стать самым большим сегодняшним потрясением, – с неожиданной близостью с Ником.

То, что с какой-то медицинской тупостью принято было называть сексом, занимало в Сонином мире такое неважное положение, что, можно сказать, отсутствовало вовсе. Она была брезглива, поэтому случайные связи, возникающие после какой-нибудь вечеринки, были ей противны просто гигиенически. А для связей прочных ей не хватало чувств – не зря же она думала, что на чувства такого рода вообще неспособна. Поэтому Соня жила, как сама с усмешкой считала, подобно Снегурочке. И то горячее, мгновенное, страстное, что произошло сегодня между нею и Ником, по всему должно было бы ее взволновать.

Но, бессонно глядя в темное окно, думала она вовсе не об этом, и не это волновало ее сердце и кровь.

Она думала о той необъяснимой перемене, которая произошла с ней от слов Михаила Павловича: «Жизнь еще покажет вам свое жало и свои ценности». Эти ничего в практическом смысле не значащие слова, которым она и значения-то никакого не придавала в ту минуту, когда они были сказаны, казались ей теперь чем-то вроде вспышки молнии. И в их ослепительной вспышке все другие слова и события, которыми были обозначены последние дни, выстроились в единую цепочку.

Соня чувствовала какую-то отчетливую связь между дурацким стихотворением про обидную любовь, которое декламировала Лорка, и разговором про цветок, который отпугивает мышей, и всеми другими разговорами, которые велись в парикмахерской и которые были, по сути, одним и одинаковым разговором без начала и конца.

«Я всю жизнь в этом прожила, я в этом выросла, – с каким-то растерянным недоумением думала Соня. – И все это никогда меня не угнетало. Да и теперь вообще-то не угнетает – что-то совсем другое... Но что?»

Она не знала, как называются звенья той цепочки, которой представилась ей вся ее предыдущая жизнь. Но в том, что это были именно звенья, что в них было нечто общее, – в этом она была уверена. И это общее вдруг показалось ей чужим, чуждым – пройденным. И причиной такого ее ощущения были всего лишь слова, мимоходом произнесенные посторонним человеком, слова про жало и ценности. Они были необычайны, они выпадали из Сониной жизни, и они притягивали ее к себе так сильно, словно были железной скалой, а у нее внутри запрятан был сильный магнит.

Что-то в них было... родное; это Соня поняла с совершенным изумлением.

И по сравнению с этим родным не пугал чужой огромный город, из которого эти слова пришли, и даже при мысли о том, как она выйдет на перрон – а воображение у Сони работало отменно, и представить это было ей нетрудно, – даже при этой мысли ей не становилось ни страшно, ни хотя бы тревожно.

«Что ж, перрон... – медленно плыло у Сони в голове. – Жара, асфальт... Что в этом страшного?..»

Она поняла, что наконец засыпает, по множеству неважных подробностей, которые всегда всплывали у нее в голове за мгновение до сна. Из сознания уходило главное, и сознание сразу начинало путаться, сбиваться на боковые дорожки. И спасалось сном.

«Вокзал, перрон... – снова подумала Соня. – Жара...»

Глава 4

Жара в Москве стояла просто африканская.

Даже Соне, привыкшей к южному летнему зною, она показалась чрезмерной. А другие пассажиры, переполнявшие перрон и здание Курского вокзала, выглядели так, словно попали в раскаленную железную бочку.

«Зря в июле поехала, надо было хоть осени дожждаться», – с испугом подумала Соня, впечатывая каблук в мягкий асфальт.

Эта малодушная мысль раньше ей в голову не приходила – собираясь в Москву, Соня меньше всего была озабочена выбором времени года. Она собирала деньги и собиралась с духом.

И вот теперь выяснилось, что духу-то ей как раз и не хватает. Не жары же она, в самом деле, испугалась!

Все-таки эта первая минута, именно та, которой так боялась мама, когда Соня выйдет на перрон – и что, и куда? – действительно оказалась ошеломляющей.

Для того чтобы это ошеломление преодолеть, следовало взять себя в руки. Еще давно, в самом раннем детстве, даже, кажется, до школы, Соня поняла: то, как ты воспринимаешь происходящие с тобой события – пугают они тебя, радуют или печалят, – от самих событий не очень-то и зависит. Все дело в том, как ты к ним относишься. Если сумеешь сказать себе, например, перед прививкой от гриппа, которую делают всей твоей детсадовской группе: укол этот ерунда, даже если будет больно, то совсем недолго, а потом боль пройдет и начисто забудется, – так вот, если сумеешь себе это сказать, но только так сказать, чтобы по-настоящему в это поверить, то никакого укола и не испугаешься, хоть бы все девчонки и даже мальчишки в голос ревели от страха. А если не сумеешь, то и сама обречешься.

С тех самых пор, как она это поняла, Соня научилась быть с собою убедительной, а потому ничего не бояться. Правда, в ее жизни в общем-то и не было ничего такого, чего следовало бы особенно бояться. Ну, чуть не утонула однажды, когда прыгали в море со скалы, но тогда испугаться просто не успела, потому что сначала захлебнулась и не сообразила, что с ней происходит, а потом Ник ее вытащил.

Идти в одиночестве по раскаленному перрону Курского вокзала оказалось страшнее.

Но принцип самоубеждения все-таки был общий, что для прививки от гриппа, что для оторопи перед Москвой, и за то время, которое понадобилось, чтобы дойти от поезда до привокзальной площади, Соня сумела взять себя в руки.

Все-таки Ялта хоть и была провинцией, но провинцией особенной. Люди из Москвы в нее по-прежнему приезжали, и сведения, пусть и обрывочные, о том, как устроена московская жизнь, приобрести при желании было нетрудно. Поэтому, как только Соня озаботилась мыслью о том, где будет жить, когда явится в столицу, то немедленно выяснила, что на Курском вокзале, как и на автовокзале в Ялте, толкуются хозяйки, сдающие комнаты. Недешевые, конечно, комнаты, и неудобные, и жить в таком жилище постоянно не стоит, но на первые пару дней сойдет, а там видно будет.

– Девушка, комната нужна? – услышала она, едва выйдя на площадь.

И улыбнулась. Обыденная московская жизнь так же мало была отмечена непредсказуемостью, как ялтинская. И если нет ничего особенного в том, чтобы найти здесь ночлег, то, наверное, точно таким же образом найдется и работа – точно такая же работа в парикмахерской, какая была в Ялте.

О другой работе, той, ради которой она и приехала в Москву, Соня старалась пока не думать. Но где-то в самой глубине ее сознания уже вздрагивала здравым обещанием догадка:

а ведь, наверное, и с той, другой работой все происходит таким же образом – незаметно, буднично, так, словно нет ничего проще, чем стать артисткой...

Слишком сильно доверять этой догадке было опасно. Но и слишком настойчиво гнать ее от себя Соне не хотелось.

* * *

С улицы студия напоминала завод.

Она и находилась в таком районе, в котором, по Сониным представлениям, не могло находиться ничего, кроме каких-нибудь фабричных корпусов. Вот трудно было, например, представить, чтобы вместо Ливадийского дворца возвышался над морем трубопрокатный завод. И так же трудно было представить, чтобы на длинной, начинающейся галдящим рынком и продолжающейся бесконечными бетонными заборами улице находилось заведение, которое красиво называют фабрикой грез. Правда, Соня знала цену всяческим красотам и не очень-то им доверяла, но все-таки...

Фабрика звезд под названием «ТиВиСтар» занимала обшарпанное четырехэтажное здание из панельных блоков. Его не удосужились даже выкрасить, и оно было такое серое, с такими бурными потеками на стенах, что вызывало уныние одним своим видом.

У входа в здание толпились девушки. Приглядевшись, Соня поняла, что вообще-то у стеклянной двери стоит не организованная толпа – просто девушки выглядят так похоже, что кажется, они не пришли сюда каждая по отдельности, а собрались по чьему-то общему зову и с одной целью.

Да так оно, скорее всего, и было. Трудно было представить, что эти длинноногие, ослепительно красивые, эффектно одетые молодые девчонки пришли к киностудии для того, чтобы попробовать свои силы в качестве уборщиц или вахтерш. Ясно, для чего они пришли. Для того же, для чего и Соня. Только были они явно московские или, самое малое, сошли с поезда не вчера; Соня сразу разглядела в них тот особенный лоск, по которому без труда распознавала москвичей на ялтинской набережной. Можно было утешать себя тем, что лоск этот неживой и какой-то стандартный, но, едва взглянув на них, она почувствовала такой сильный укол зависти, что даже поежилась.

Ей хотелось приобрести этот лоск, пусть стандартный, но такой недостижимый, до оскомины ей этого хотелось, и ничего она не могла поделать с этим, самым страстным из всех, что были до сих пор в ее жизни, желанием!

Весь последний ялтинский месяц Соня специально заходила в интернет-кафе на набережной и изучала сайт студии «ТиВиСтар», поэтому расписание кастингов знала наизусть. И на сегодняшний кастинг записалась по телефону, позвонив еще из Ялты. На какую роль она будет пробоваться, в какой фильм, этого Соня не знала. Да и не стремилась знать: в том положении, в котором она сейчас находилась, беспокоиться об этом было еще не время.

Она всегда была последовательна, и это всегда приводило ее к успеху.

Пока ей выписывали пропуск, пока объясняли, куда идти, девицы, вошедшие в тесный студийный вестибюль сразу вслед за нею, бросали на нее такие взгляды, словно она была проституткой, которая без зазрения совести явилась прямо в дом к честным женщинам, чтобы отбить у них законных мужей. Но на их взгляды Соне было наплевать.

Внутри студия оказалась такой же неприглядной, как снаружи. Она напоминала огромный и бестолковый ангар, неизвестно для чего разделенный на комнаты, коридоры и лестничные пролеты. В ней не было ни капли очарования, ни тени тайны. Даже какого-нибудь особенного запаха – ну, хоть клеем каким-нибудь необычным пахло бы, что ли! – здесь не было.

И народу, вопреки Сониным представлениям о киностудиях, на которых жизнь кипит ключом, тоже было немного. Какие-то хмурые рабочие возводили в большом холле какую-то

конструкцию. Соня решила было, что это декорация, но, присмотревшись, поняла, что наверняка этого не скажешь. Точно так же можно было бы предположить, что рабочие строят самые обыкновенные леса для покраски стен.

Из имевшегося на студии немногочисленного народа три четверти составляли молодые женщины. Они были совсем другие, чем те, что пришли на актерский кастинг. В этих, что сновали туда-сюда по коридорам и лестницам, не было ничего эффектного – ни в одежде их, ни в том, как они были накрашены. Да они и вообще, кажется, не были накрашены и выглядели так, что Соня снова почувствовала себя проституткой, на этот раз из-за того, что у нее на губах помада, а на ресницах тушь. Была в каждом движении этих молодых студийных женщин такая уверенность в каждом своем движении, какой Соне до сих пор не приходилось видеть.

Они были – в своем праве. Только теперь она поняла, что это такое.

Они не знали сомнений ни в чем, что делали, и хотя то, что они делали, не имело к Соне ровно никакого отношения, да и непонятно ей было, что именно они здесь делают, – она почему-то почувствовала себя уязвленной.

Уже второй удар по самолюбию получала она за полчаса, проведенные на студии, и даже не понимала, с чем связаны эти удары. Ну, увидела красивых девчонок, пришедших на кастинг. Так она и сама не уродка, даже покрасивее многих из них будет. Ну, бегают по лестницам какие-то офисные барышни. Так ей-то до них какое дело?

Но настроение было испорчено, и Соне оставалось только злиться на себя за то, что она оказалась такой уязвимой.

Кастинг проходил в такой пустой комнате, что казалось, отсюда специально вынесли всю мебель. Хотя, наверное, не вынесли, а просто не внесли, потому что в ней не было необходимости. Были стулья у бородатого мужчины, проводившего кастинг – Соня решила, что это режиссер, – и у нескольких неопрятного вида женщин, которые ему помогали. И еще один стул стоял в разворот прямо перед ними; на него пригласили сесть Соню.

– Повернитесь в три четверти, – сказал режиссер.

Молодой человек, наверное, ассистент, стоящий у него за спиной, наставил на Соню камеру – не настоящую, какую ей приходилось видеть во время киносъемок на ялтинской набережной, а самую обыкновенную видеокамеру, какой снимали друг друга курортники на пляже.

– Теперь в профиль, – сказал режиссер. – Теперь анфас. Скажите что-нибудь.

– Что сказать? – чувствуя, какое глупое выражение у нее на лице, спросила Соня.

– Что-нибудь. Скажите, как вас зовут. Где вы учились. Откуда приехали в Москву.

– Соня Гамаюнова. Я приехала из Ялты. И училась... В Симферополе. В театральном институте! – сказала Соня.

Соврать на кастинге она решила с самого начала; это не было экспромтом. Соня рассудила просто: если она понравится и ее отберут, то наличие или отсутствие специального образования уже не будет иметь значения. Зато если с самого начала узнают, что ее актерская практика ограничивается драмкружком, то никакого кастинга может для нее не случиться вовсе.

Впрочем, она не была уверена, что режиссер расслышал ее ответы. Точнее, была уверена, что они его совершенно не интересуют.

– Так. Улыбнитесь, – сказал он. – Опять повернитесь в три четверти, но с улыбкой. Обратно повернитесь. Встаньте, пройдите. Расскажите что-нибудь.

– Что рассказать? – проклиная себя за глупость, спросила Соня. – Как меня зовут?

– Нет, что-нибудь длинное. Стихи, если знаете.

Стихи Соня знала, но именно в эту минуту все они выветрились у нее из головы, как будто сквозняком их выдуло. Хоть бы одна строчка из школьной программы вспомнилась!

– Говорите, говорите, – нетерпеливо повторил режиссер. – И смотрите прямо в камеру.

– Что ты заводишь песню военну, – ненавидя себя так, что челюсти свело, выговорила Соня. – Флейте подобно, милый снигирь?

Женщина с жиденьким пучком на затылке, сидящая рядом с режиссером, взглянула на нее с таким изумлением, точно она выругалась матом. Впрочем, Соня и сама чувствовала себя клинической идиоткой, так что не удивилась такому взгляду. Но стихи продолжала читать – по инерции.

– Львиного сердца, крыльев орлиных нет уже с нами! Что воевать? – закончила она.

– Однако! – Брови у режиссера удивленно поползли вверх. Только теперь Соня почувствовала, что от него слегка пахнет коньяком. – Державина здесь еще не читали! Ну, неважно.

Удивление тут же сошло с его лица; видно, удивить его чем-либо было невозможно. Впрочем, Соня и не старалась, и Державина она стала читать не удивления ради, а просто потому, что его строчки каким-то загадочным и отчаянным образом влетели ей в голову. Вернее, не таким уж и загадочным. Эти стихи любил отец. И Соня как запомнила их в пять лет, так до сих пор и не забыла.

– Продолжайте, – сказал режиссер и обернулся к ассистенту с любительской камерой: – Миша, снимаешь?

– Да снял уже, Борис, – ответил тот. – Можешь глянуть.

– Пусть еще пройдет, – сказал Борис. – И попой повертит. И достаточно. А улыбаться ты что, не умеешь? – обратился он к Соне.

– Она улыбалась, – вместо нее ответил Миша. – Сейчас я тебе покажу.

– Когда это она улыбалась? – удивился Борис. – Что-то я не заметил.

– Такая улыбка, – пожал плечами Миша. – Интересная, между прочим.

– Ладно, иди, – махнул рукой Борис. – Контактный телефон оставила?

– Да... – с трудом выдавила Соня.

Московскую карту для телефона она купила по дороге в «ТиВиСтар». Безнадежность затеянного мероприятия была для нее теперь очевидна.

Она вышла на улицу и не почувствовала жары. Все стало ей безразлично. Она пошла вдоль бесконечного бетонного забора, по бесконечной улице к метро.

За спиной у нее раздался треск мотоцикла.

– Девушка! – услышала Соня.

Она не обернулась. Треск слышался совсем близко – мотоциклист ехал следом за ней по тротуару.

– Девушка! – повторил у нее за спиной мотоциклист. – Далеко вам? Давайте подвезу.

– Далеко, – не оборачиваясь, ответила Соня. – Подвозить не надо.

Что ей было сейчас до какого-то заигрывающего мотоциклиста! Она выпала, вывалилась из жизни, и ничто не могло вернуть ее в тот живой поток, частью которого она до сих пор всегда себя ощущала.

– А может, все-таки подвезти? Обернитесь, девушка!

Соня невольно обернулась, хотя совсем не собиралась этого делать. Отреагировала на сигнал, как собака Павлова.

Парень, сидящий в седле, смотрел на нее веселыми нахальными глазами. Мотоцикл у него был не большой, но явно дорогой – сверкал, как игрушечка.

– Так как, поедem? – повторил парень.

– Не поедem, – покачала головой Соня.

И, отвернувшись, пошла по улице дальше.

Она думала, что он так и будет ехать вслед за ней, повторяя свое навязчивое предложение, пока она не нырнет в метро. Но вместо этого услышала:

– Ну нет, так нет.

В голосе, которым это было произнесено, не звучало ни капли обиды или раздражения. Мотор заработал громче, и тут же треск его стал затихать, удаляясь. Соня обернулась. Мотоциклист возвращался к зданию студии.

Он снова догнал ее, когда она уже подходила к метро. То есть не догнал, а обогнал. Мотоциклист проехал мимо, не глядя на Соню. За спиной у него сидела длинноногая девица, одна из тех, что толпились перед студией.

«Вот так! – подумала Соня. – Думаешь, кто-то по тебе убиваться будет, по звезде великой? За пять минут другую найдут».

Ей ничуть не было жаль, что она отказалась ехать с бойким мотоциклистом. Но урок был такой наглядный, что показался ей просто-таки символическим. Вся московская жизнь предстала перед нею во всем своем пугающем равнодушии к ее, Сони Гамаюновой, существованию. И, как она смутно догадывалась, к существованию каждого постороннего человека, по каким-то своим причинам к этой жизни прибившегося.

Соня брела к метро так медленно и тяжело, словно на ногах у нее были не легкие босоножки – перекрестья тоненьких ремешков, – а пудовые гири.

Глава 5

Телефон звонил, наверное, минут пять.

Соня долго не слышала его сквозь шум воды, а когда услышала, то выскочила из ванны так стремительно, что чуть ногу не сломала на скользком выщербленном кафеле.

– Ты что? Весь пол залила! – воскликнула хозяйка, увидев, как, завернувшись в полотенце и шлепая по линолеуму мокрыми ногами, Соня бежит по коридору к своей комнате.

Конечно, это могла быть и мама – Соня сообщила ей свой московский номер. Мама с благоговением относилась к междугородным звонкам, считая их чем-то исключительным, но, увидев сон, который по каким-нибудь неведомым причинам показался ей опасным для дочки, вполне могла преодолеть свою робость и позвонить с утра пораньше.

И все-таки Соня надеялась, что это тот самый звонок, которого она, ругая себя за глупость и наивность, ждала вот уже неделю.

За эту неделю она поняла, что из всех возможных чувств в Москве надо быть готовой в первую очередь к разочарованию. И ей казалось, что она к нему готова.

Но разочаровываться не пришлось.

– Гамаюнова? – раздался в трубке женский голос. – Кастинг-директор «Пожара любви»... брова. – Фамилия кастинг-директора прозвучала невнятно, Соня ее не разобрала, но даже не заметила этого. – Ждем вас завтра к девяти утра на студии. Придете, пропуск выписывать?

– Д-да... – чуть не клацая зубами, выговорила Соня. – А...

Она чуть не спросила: «А кого я буду играть?» – да вовремя прикусила язык. Не все ли равно? Завтра скажут!

– К девяти, – повторила... брова и отключилась.

Соня растерянно смотрела на трубку, на свои голые ноги и мокрые следы...

«Вот так, – стучало у нее в голове. – Я была права. Это случается просто. Как будто всегда так и было».

Она и сама уже не верила в правильность своей догадки – вот этой, о будничности осуществления самых дерзких планов. И когда шла по раскаленному перрону, не верила, и когда плелась к метро после торопливого, пародийного какого-то кастинга... Но ведь звонок был, только что был! И был он наилучшим подтверждением того, что все в жизни не только возможно, осуществимо, но и осуществимо просто, естественно, без фальшивой торжественности.

Никакой торжественности не было и в том, что Соня увидела на завтра утром на студии. Впрочем, к этому она уже была готова после первого посещения «ТиВиСтар». Разве что народу на этот раз было много и суетня-беготня стояла такая, что студия напоминала вокзал.

В комнате, куда ее направили, собрались почти все девицы, которых Соня видела неделю назад. Это ее уязвило: все-таки хотелось думать, что она произвела исключительное впечатление. Через минуту выяснилось, что и ей, и остальным девицам предстоит изображать массовку. Правда, не тысячную толпу, а компанию, собравшуюся на дне рождения главной героини, но все-таки... Это уязвило еще больше. А она-то вообразила!..

И грим, который ей сделали просто в мгновение ока, был самый примитивный, и платье, которое выдали для съемок, выглядело хоть и шикарным, но таким поношенным, что Соня поежилась, надевая его, и туфли на тоненьких золотых каблуках немилосердно жали, потому что были рассчитаны не на Сонин, а на какой-то стандартный размер...

Воодушевление, в котором она провела весь вчерашний день, гроша ломаного не стоило. С таким же успехом можно было испытывать воодушевление от того, что именно к тебе подошел на улице репортер и спросил, каким стиральным порошком ты пользуешься.

Репетиция, которую провел с массовой тот самый бородатый Борис – он оказался вторым режиссером, – длилась не дольше, чем грим и подбор костюмов. Десятерым сериальным гостям, в числе которых была и Соня, просто показали, где им стоять и куда время от времени переходить, и велели изображать беседу, негромко произнося любые фразы, которые придут им в голову.

Для всего этого их завели в павильон, в котором была выстроена гостиная богатого дома. То есть, наверное, таковой она должна была выглядеть на экране, в действительности же это была всего лишь грубая, кое-как сбитая декорация.

Артистка, изображавшая главную героиню – ее лицо Соня где-то видела, но где, вспомнить не могла, – быстро просматривала листки с текстом; похоже было, что она видит их впервые. Артист, игравший ее возлюбленного, не переставая разговаривал по телефону; на лице у него прочно установилось озабоченное и злое выражение, и невозможно было представить, что через несколько минут он собирается играть страстную любовь.

Все это в самом деле было просто и буднично, но будничностью своей не обнадеживало. Соня не понимала, откуда вообще взялись у нее какие-то надежды, почему выдумала она для себя какую-то особенную судьбу...

– А, Державин! – вдруг услышала она. Тот самый Миша, который во время кастинга снимал ее на видеокамеру, теперь стоял за камерой настоящей. Он приветственно махнул Соне и сказал: – Я тебя крупным планом сниму. Улыбнись только – у тебя улыбка интересная.

– Ладно, – кивнула Соня.

То, что ее все-таки запомнили, слегка приободрило. Да и обещанный крупный план бодрил тоже. Она встала, куда было велено, и спросила парня, вставшего напротив нее в качестве собеседника:

– Про что разговаривать будем?

– Да про что тут разговаривать? – пожал плечами он. – У меня через месяц каникулы кончаются, а денег ноль. Думал, за лето подзаработаю, так на «мыле» этом копейки платят, только чтоб с голоду не умереть. Не коровники же ехать строить!

– А где ты учишься? – поинтересовалась Соня.

– В Щуке.

– А что такое Щука?

Парень посмотрел на нее удивленно, потом усмехнулся:

– Щукинское театральное училище. Когда мотор пойдет, расскажешь, откуда ты такая взялась. Так время и скоротаем.

И усмешка его, и снисходительный тон были вообще-то обидны. Но Соня обижаться не стала. Что такое Щука, она действительно ведь не знала, а знать об этом считалось, наверное, само собой разумеющимся.

Студент Щукинского театрального училища оказался парнем простым и к тому же разговорчивым. Съемка все не начиналась, потому что ждали какого-то актера, массовка расслабилась, уселась кто куда. Сонин партнер тут же сообщил, что зовут его Вадим, что сам он был в Москву всего два года назад, но, что такое Щука, ко времени своего прибытия знал, раз уж собирался в актеры, что учиться ему нравится, но перспектив особых нету, потому что в репертуарных театрах платят такие же копейки, как на «мыле», да туда еще и не устроишься, а пробиться в звезды сериалов желающих и без него хватает, а возвращаться в родную Калугу, конечно, неохота...

Он явно старался развлечь Соню – наверное, она ему понравилась. Но, слушая Вадима, она чувствовала одну только скуку. Он был хороший парень, это было понятно, но скуку, которая сразу с ним связалась, Соня и распознавала сразу: это была скука заранее известных слов. Да, она узнала от него, что такое Щука и сколько платят за «мыло». Но вместе с тем ей казалось: все, что он говорит, слышано ею сто раз.

Актер, которого все ожидали, наконец явился. Это был благообразный старик, наряженный в элегантный костюм; кого он играет, массовке, конечно, не объяснили. Ну да Соню это уже и не интересовало. Достаточно было знать, кого играет она сама: мебель.

Сердце у нее не затрепетало, когда Борис крикнул:

– Мотор! Камера! Начали!

И первый в ее жизни киношный дубль не принес ни минуты волнения.

Правда, когда этот дубль был снят, Соня спросила Вадима:

– А почему Борис снимает? Он же вроде второй режиссер, а не главный.

– А главный запил, – невозмутимо объяснил Вадим. – Уже неделю как. Если завтра не выйдет, Боря вместо него назначат. Он и так с самого начала за двоих пашет.

Второй дубль с массовой снимать не стали. Сняли главных героев – как они объясняются в любви, стоя возле роскошной пальмы. Пальма была искусственная, но, наверное, должна была выглядеть на экране настоящей, как и декорации гостиной. Объяснения с первого раза не получилось, потому что актер что-то там неправильно произносил, снимали раза три, актриса злилась, актер нервничал, Борис орал, массовка ожидала...

«И вот этого я хотела? – с недоумением думала Соня. – Да это ведь то же самое, что Лоркины стишки!»

Единственным следствием первого съемочного дня была усталость. Да и она, Соня понимала, была не настоящей усталостью, которая наступает от того, что работаешь с полной отдачей, а просто еще одной разновидностью скуки.

– Девушка, подождите! Как вас, Соня? – Оператор Миша окликнул ее, когда она, цепляясь каблуками за провода, шла к выходу из павильона. – Идите сюда.

Куда идти, ей было все равно, и она послушно подошла к нему.

– Плэйбэк посмотрите, – сказал Миша. – Вот он, ваш крупный план. Улыбку еле поймал!

Соня взглянула на экран стоящего перед ним монитора и увидела свое лицо. Она слушала, что рассказывал ей Вадим, но лицо у нее при этом было отрешенное. Еще бы! Такого разочарования, какое она пережила сегодня, ей переживать в жизни еще не доводилось. Потом улыбка все-таки мелькнула на ее лице – не мелькнула даже, а лишь слегка тронула губы. Наверное, Вадим сказал что-нибудь очень уж смешное.

– Вот она, улыбка, – с удовлетворением произнес Миша. – Лед и пламень. Нередины так не умеет.

Нерединой звали исполнительницу главной роли. Она изображала светскую даму, и, конечно, ей надо было уметь холодно улыбаться.

– Спасибо. – Теперь Соня улыбнулась не холодно, а очень даже искренне. – А я и забыла про крупный план.

– Главное, что я не забыл. Что мне за это будет?

– Не бойтесь, ничего вам за это не будет! – засмеялась Соня.

– Ну во-от, делаешь красивым девушкам добро... – начал было Миша.

Но тут его окликнул Борис, и про Соню он мгновенно забыл.

Она вышла на улицу вместе с Вадимом.

– Ты где остановилась? – поинтересовался он.

– Комнату сняла. На Курском вокзале у хозяйки.

– Сдурела, что ли? – искренне удивился он. – Там же дерут немерено.

– Надо же было где-то жить, – пожалала плечами Соня.

В том, что ей вообще надо было жить в этом городе, она теперь сильно сомневалась.

– Ну, на первое время, может, и ничего, – согласился Вадим. – Но теперь надо что-нибудь другое искать. Более адекватное. Купи газету, посмотри.

– В газетах только агентства объявления дают, – сказала Соня. – И за полгода вперед надо платить.

– Тогда общагу ищи. Комнату или койку, смотря по деньгам.

– А у вас в общежитии комнаты не сдаются? – с надеждой спросила она.

– Комендант сдает, конечно. Но только своим. В МГУ надо поспрашивать, у них там в общагах черт ногу сломит. Или еще где-нибудь. Хочешь, узнаю? У меня кое-какие подвязки есть.

– Узнай, – без энтузиазма кивнула Соня.

«Только вряд ли мне это понадобится», – подумала она.

– Ну, до завтра, – простился у метро Вадим. – На светскую тусовку у нас еще три съёмочных дня.

– Слушай, – спросила Соня, – а почему не сказали, что нас на обыкновенную массовку пробуют? Такой кастинг был... На камеру снимали.

– А кто тебе должен был про это говорить? – удивился Вадим. – Это и так ясно. А ты думала, тебя на главную роль пробуют?

– Не на главную, конечно... – промямлила Соня.

– А кастинг потому был, что хоть и массовка, но все-таки не в толпе. Надо же было глянуть, как ты на экране смотришься. Потому и камера. Ну, пока. Насчет общаги узнаю.

Он свернул к автобусной остановке, а Соня спустилась в метро. К метро она, кстати, привыкла быстро. С первого московского дня привыкла, хотя ездила в нем всего несколько раз, во время той самой школьной поездки в Москву, которая почему-то внушила ей уверенность, будто этот город может стать ей своим.

Теперь же она была уверена ровно в обратном. Нигде, никогда в своей жизни она не чувствовала себя такой чужой, такой никому не нужной, как в Москве! С чем было связано это гнетущее ощущение, Соня не понимала, но оно было таким сильным, что она едва удерживалась от того, чтобы немедленно не броситься на вокзал к симферопольскому поезду. И, удерживаясь от этого, понимала: такой побег был бы самым правильным с ее стороны поступком.

Но что-то все же не давало ей его совершить. Что-то, чему не было названия и тем более не было объяснения.

Глава 6

Вадим сдержал слово, что для актеров, как Соня вскоре поняла, было большой редкостью.

Уже завтра, изображая светскую беседу для очередного дубля в декоративной гостиной, он сообщил Соне, что переговорил с приятелем, который учится в вузе под названием Международный университет гуманитарных наук.

– Шарашкина контора, – объяснил он. – Чему Лешка там учится, он и сам не знает. В основном от армии косит. Зато эти «Рога и копыта» в свое время подсустились и приватизировали общагу какой-то совковой конторы. Теперь только за счет нее и живут. А комендантша знойная женщина, у Лешки с ней пожар любви, она к нему за это никого в комнату не подселяет. Так что он поговорит насчет тебя. Только учти, ты ему двоюродная сестра. А то женщины эти знойные... Сама понимаешь.

За то, чтобы поскорее съехать от сварливой хозяйки, которой она платила какие-то совершенно немыслимые деньги за грязную крошечную комнату, Соня готова была изобразить не то что Лешкину сестру, но даже его бабушку. Она немедленно забыла, что сомневалась, надо ли ей вообще оставаться в Москве. И когда Лешка, оказавшийся долговязым смешным парнем, вручил ей ключи от общежитской комнаты, она обрадовалась так, словно обрела не очередной съемный угол, а собственный пентхаус с видом на Кремль.

Хотя Кремль с первого этажа, из окна ее комнаты, и не просматривался, но тихий дворик, который Соня увидела, раздвинув занавески, показался ей таким прекрасным, что она едва не всплакнула, хотя никогда не страдала сентиментальностью.

Ее новое жилье располагалось в переулке, ведущем от Сивцева Вражка к Арбату; Соня и предположить не могла, что в таком районе могут находиться общежития. Притом и сам дом был старый, массивный, как многооконный сундук, и почему внутри такого дома устроили общагу, было непонятно.

– А это доходный дом был, – объяснила комендантша. Она смотрела на Соню с подозрением и разговаривала сквозь зубы. Видимо, сомневалась в ее с Лешкой родственных связях. – Знаешь, что такое доходные дома? Комнаты от хозяина сдавались. Фактически то же общежитие.

Бывший доходный дом напомнил Соне ее ялтинскую школу. Такие же арки и своды, и широкие подоконники, и латунные ручки на высоких створчатых окнах... Все это не показалось теперь чужим, и это было первое, что не показалось Соне чужим в совершенно чужой Москве.

Она по-прежнему играла в массовке и привыкла к этому занятию. И недоумение – что я делаю, зачем? – охватывало ее все реже. Работа – ежедневная, рутинная, неинтересная – стала чем-то вроде анестезии. Она нужна была Соне так же, как слабому человеку нужна выпивка: чтобы не задумываться, что не получилась у него яркая, интересная жизнь, чтобы не сознавать, что его завтрашний день жестко предопределен сегодняшним...

Крупные планы, которые время от времени делал для нее добродушный оператор Миша, тоже не воодушевляли. Правда, Борис – его действительно назначили режиссером-постановщиком – однажды поощрительно заметил:

– Хорошо смотришься, Соня Гамаюнова. Может, со временем эпизод тебе дам.

Соня снималась теперь в историческом фильме, впрочем, в таком же «мысле», как и прежде. Крепостные девушки, которых изображала массовка, были одеты в шелковые сарафаны и сувенирные лапти, а лицами напоминали фотомоделей. Лицо себе, кстати, Соня делала теперь сама: у нее это получалось лучше, чем у гримерши Лизы, которая, не утруждая фантазию, рисовала одно и то же на лицах всей массовки.

Но настоящего значения это все равно не имело. Даже в самом раскрепощенном гриме Соню не покидало ощущение, что она участвует в каком-то неумелом розыгрыше, которым по неведомой причине занимаются взрослые серьезные люди. При этом все они почему-то считали себя высокими профессионалами и не стеснялись объяснять, в чем заключается их профессия: в том, чтобы варить «мыльную» развлекуху для недоумков.

Просматривая однажды сценарий серии, которую предстояло сегодня снимать – как обычно, просматривая впервые, – Борис матерился и орал:

– Что они тут написали, говнюки?! Это сколько ж событий они в одну серию понатолкали? Да у теток столько мозгов нету, чтоб и за три серии хотя бы половину этого освоить!

И его возмущение было вполне объяснимо: Соня давно уже поняла, что сериалы, в которых она снимается, рассчитаны на круглых идиотов. Действие в них разворачивалось так медленно, с таким бесконечным пережевыванием одного и того же события, что, если ты ненароком пропустил серий двадцать пять, то, включив двадцать шестую, в течение первых пяти минут мог разобраться, что к чему.

И диалоги: «Алло, это ты?» – «Да, это я». – «А я думал, это не ты». – «Нет, это все-таки я», – перестали ее удивлять.

«Может, так и надо? – думала она. – В жизни ведь все так и есть, и разговоры у людей в основном именно такие – ни о чем».

Но подобные мысли были сначала редки, а потом и совсем исчезли. Соне стало все равно, так же, как и всем, кто крутился в этом бедламе. Ну, кроме, может быть, продюсеров, которые получали за все это большие деньги. Но их Соня никогда не видела.

Поэтому она удивилась, когда оператор Миша однажды сказал ей:

– Сонь, мне с тобой серьезно поговорить надо.

– Про что? – не поняла она. – Про крупный план?

– Почти. В связи с крупными планами твоими, во всяком случае. Я тут присмотрелся к тебе...

Съемочный день был окончен. Девчонки уже ушли в большую, одну на всех – отдельные полагались только исполнителям главных ролей, – гримерку. Рабочие разбирали декорацию – завтра начинались съемки сцен, для которых она больше не требовалась. Картон и дерево, из которых она была сбита, рушились с диким грохотом.

– Присмотрелся – и что? – прокричала Соня сквозь этот грохот.

– Пошли-ка отсюда. – Миша потянул ее за руку. – Коньячку в буфете хряпнем.

– Сейчас, я только грим сниму, – сказала Соня.

– Ничего, небось не под Бабу-ягу гримировалась. Костюм сдай и приходи.

Когда Соня вошла в буфет – то есть это громко сказано было, буфет, на самом деле просто обшарпанные столики, стоящие у прилавка в коридорном закутке, – Миша уже прихлебывал коньяк из пластикового стаканчика.

– Так вот, присмотрелся я к тебе, Соня Гамаюнова. – Он был немногословен и не тратил времени на излишние предисловия. – И понял: артистки из тебя не выйдет.

Ничего себе! То есть, конечно, Соня и не предполагала, что хождение взад-вперед в составе «мыльной» массовки может доказать кому-то ее выдающиеся актерские способности. Но все-таки... Все-таки ей казалось, что Миша относится к ней по-доброму. Вон, даже крупные планы снимал, значит, выделял ее из толпы. Но тогда почему же?..

– Спросишь, почему? – усмехнулся Миша; видимо, этот вопрос был написан у нее на лбу крупными буквами. – Это трудно объяснить. Но в кадре сразу видно. Ты, Сонь, очень красивая. Взгляд отвести невозможно. Но, понимаешь... Не такая у тебя красота. Совсем не такая, как для кино нужна.

– Но... почему?..

Соня чувствовала, что у нее дрожат губы. Как странно – ей ведь и самой уже казалось, что она ошиблась, выдумав для себя какую-то необыкновенную актерскую судьбу, и съемки не вызывали у нее ничего, кроме равнодушия... Но при так вот в лоб сказанных словах ей стало до того обидно, что она почувствовала себя маленькой девочкой, у которой отняли любимую игрушку.

– Почему – этого не знаю. Но факт налицо. На лице, в смысле. У тебя внешность такая, знаешь... Модельная, вот какая! На этом поприще ты большую карьеру могла бы сделать. На всех обложках красовалась бы.

«Да не нужны мне эти обложки!» – чуть не воскликнула Соня.

Вдобавок к дрожащим губам она почувствовала, что глаза у нее наливаются слезами.

– Холодная у тебя красота, – безжалостно продолжал Миша. – Я не говорю, что это плохо, ну, если объективно твою внешность оценивать. Наоборот, очень даже эффектно, когда улыбка сквозь лед. Говорю же, смотрел бы и смотрел, не отрывался бы. Но играть совсем не умеешь. Что ты есть, то и есть. Перевоплощаться не умеешь. И эмоции у тебя так далеко запрятаны, что их, считай, совсем нету. А у актрисы все наружу должно быть. Особенно в кино – чувства должны на лице играть. – Он присмотрелся к Сониному лицу и добавил успокаивающим тоном: – Ты на меня не обижайся. Если бы я к тебе плохо относился, то и говорить бы ничего такого не стал. Но ты мне, наоборот, сразу понравилась. Не канючишь, не выпендриваешься, не вешаешься на кого попало по дешевке. Сразу видно, кремень-характер. Ну, мне и жалко стало: зря же ты здесь характер свой расходуешь. Уж поверь моему опыту, я не с рождения «мыло» снимал. В кино для тебя, как девки теперь выражаются, бесперспективняк. Если по большому счету, конечно.

И что она должна была на это сказать?

– Спасибо, Миша. – Соня уняла дрожь в губах и сглотнула так и не пролившиеся слезы. – Я пойду.

Ей показалось, что у Миши в глазах мелькнуло восхищение.

– Ей-богу, я бы в тебя влюбился! – сказал он. – Да только безнадежных дел принципиально не затеваю.

Глава 7

Соня не помнила, как добралась до Сивцева Вражка.

«И что теперь? – билось у нее в голове. – Вещи собирать?»

Она ни на минуту не усомнилась в том, что Миша прав. В самом деле же и опыт у него, и вообще... Да при чем тут чужой опыт! Соня чувствовала, что он прав, она изнутри себя это чувствовала. По растерянности своей, по тому странному анабиозу, в который впала, попав на студию...

На Сивцевом Вражке было пусто. Теперь, в августе, его жители разъехались из города кто куда – в дальние страны, в необыкновенные путешествия или на свои подмосковные дачи. Рабочий день был окончен, и сотрудники многочисленных маленьких офисов, расположенных едва ли не в каждом доме, разошлись по домам. И Сивцев Вражек вился между домами тихо, как река. И Соня шла по тротуару, как по берегу этой теплой реки, и незаметно успокаивалась.

К тому времени, как она оказалась неподалеку от узкого переулочка, который сворачивал от Сивцева Вражка вправо и на котором стоял доходный дом, где она жила, спокойствие ее стало почти полным. То есть радости, конечно, никакой не возникло, но по крайней мере слезы глотать она перестала.

«Как он сказал – улыбка сквозь лед? – вспомнила Соня. – И кремль-характер? Вот и надо лед с кремнем соединить».

О том, что кремнем вообще-то высекают огонь, который со льдом соединяется плохо, она как-то не подумала.

«Я должна подумать холодно. И решить, что мне делать дальше».

Но легко только ставить перед собою решительные задачи, гораздо труднее привести себя в такое состояние, чтобы их выполнять.

Настроение менялось мгновенно – спокойствие, которого Соня с таким трудом достигла, как-то незаметно превращалось в злость.

«А какого черта я должна себя ломать? – чуть зубами не скрипя, думала она. – Оракул великий этот Миша? Тоже мне, Ванга! Почему я должна верить ему, а не себе?»

Она вспомнила маленький зал ялтинского кинотеатра и треск аппарата, доносившийся из окошка, – может быть, этот треск даже специально имитировали, чтобы во время показа дореволюционных фильмов и атмосфера в зале была старинная, и черно-белый экран, такой же нервный в своей выразительности, как глаза Веры Холодной на нем. У нее и жесты были нервные, совсем не такие, какими бывают движения обычной женщины в обычной жизни, и все у нее было необычное – и платья, и темные от помады губы, и ресницы до того густые, что тени от них делали глаза огромными... Соне было тогда шестнадцать лет. Она смотрела на Веру Холодную не отрываясь, как не смотрела в своей жизни ни на кого и никогда. Может быть, только на россыпь ялтинских огней на волнующейся поверхности моря. Но огни ведь так же принадлежали природе, как восход и закат, а женщина на экране сама, изнутри себя стала такой, какой стала, и это преображение обыкновенной женщины в необыкновенную так потрясло Соню, что она долго еще не могла прийти в себя.

Она не понимала, почему именно Вера Холодная произвела на нее такое впечатление. Фильм, в котором та играла, был совсем неинтересный, и сразу было понятно, что женщина на экране старательно изображает страсть; во всей ее игре не было ничего естественного, ни одного соприкосновения с жизнью не было. Но Соне и не хотелось, чтобы Вера Холодная соприкасалась с жизнью. Здесь важно было что-то другое, и хотя она не могла понять, что именно, но это другое поманило ее так сильно, что она...

Что она шла теперь по Сивцеву Вражку и злилась на весь мир так, что ослепительные мушки плясали у нее перед глазами.

Этот московский мир, сейчас такой обманчиво тихий и по-августовски ленивый, существовал по каким-то своим законам, которые невозможно было даже почувствовать, не говоря уже понять. И ему совершенно не нужна была Соня, которая существовала как бог на душу положит.

Этот мир стоял перед нею в пронзительной, безжалостной ясности, словно нарочно заставляя рассматривать каждую его черту. И Соня поневоле замечала эти его назойливые черты.

Вот из переулка вывернулся блестящий синий автомобиль, небольшой, но очень элегантный. Он медленно проехал мимо Сони, и даже в этой его медленности было то же, что во всем мире вокруг, – полное к ней безразличие.

Соня проводила автомобиль сердитым взглядом. Какая-то блестящая жестянка, а туда же, всячески выказывает, что в упор не замечает девицы на высоких шпильках, неприкаянно бредущей по тротуару!

Другая машина, стоявшая у обочины, черная большая «БМВ» с тонированными стеклами, вдруг вырулила на середину проезжей части и быстро поехала за синим красавчиком, объезжая его почему-то справа, со стороны тротуара. Когда машины поравнялись, у «бумера» опустилось водительское стекло, и Соня увидела, что из окна высовывается рука с большим зеленым яблоком. Через секунду яблоко полетело в синий автомобиль и глухо ударилось о его крыло. «Бумер» сразу сделал рывок вперед и резко, с визгом встал поперек дороги прямо перед синим. Тот вынужден был затормозить. Из «бумера» выбрался обезьянообразный качок и направился к синему. Перед этим он сделал почти неуловимое движение рукой. Соня слышала противный скрежет, какой бывает, если по стеклу провести наждаком. И тут же догадалась, что именно наждаком качок и провел, только не по стеклу, а по боку своего «бумера».

Только теперь Соня поняла, что происходит. Что-то подобное случилось однажды, когда они с Ником ехали из Симеиза. Соня сказала, что давно не лазила на скалу Кошка, и Ник сразу предложил съездить и залезть, делов-то! Накануне Соня простудилась и решила поездку отложить: очень уж неохота было мчаться на мотоцикле с распухшим от соплей носом. Но Нику жаль было отказаться от того, чтобы провести с ней целый день, и он взял у матери «Нексию». На этой «Нексии» они и влипли в историю, когда возвращались обратно в Ялту.

Соня подошла поближе к «бумеру» и синему автомобилю; вблизи она разглядела, что это новенький «Ниссан».

Качок тем временем уже колотил кулаком в стекло «Ниссана» и матерился так громко, что поверить в праведность его гнева мог разве что наивный ребенок.

– Выходи!.. – прорывалось сквозь этажи мата. – Глянь, че ты сделал, да? Выходи, сказал!..

«Ниссан» безмолвствовал. Тогда качок грохнул кулаком по его дверце с такой силой, что дверца наконец открылась.

Мужчина, выбравшийся из машины, был так на нее похож, словно они приходились друг другу родственниками. Даже полоски на его галстук, синие, в тон автомобильной эмали, свидетельствовали об этом. И весь он был так же элегантен, как его автомобиль.

Выражение его лица было если не испуганным, то все-таки растерянным. И очки в тонкой золотой оправе он зачем-то снял и положил в карман. Будто собирался драться с качком.

Представив себе, как могла бы выглядеть подобная драка и, главное, чем она должна была бы закончиться, Соня почувствовала что-то вроде жалости к владельцу «Ниссана».

Качок, впрочем, драться с ним, кажется, не собирался. Зато явно собирался облегчить его бумажник.

– Хер в ухо засунул? – заорал он. – Не слышишь, что чужую тачку стукнул?

– Мне показалось, просто что-то ударилось о крыло... – пробормотал мужчина из «Ниссана».

В его голосе слышались оправдывающиеся интонации. Те самые, которых в такой ситуации допускать нельзя было категорически. Даже если бы он в самом деле был виноват.

– Вынь из ушей!.. – продолжал надирать качок. – «Просто что-то» ему! Не что-то, а мне тут ремонта на штуку баксов!

– Какого ремонта? – В голосе мужчины наконец прорезалось возмущение. – У вас же только маленькая царапина! И ту без лупы не разглядеть.

– Я тебе сейчас дам лупу! – Качок коротко ткнул элегантного локтем под грудь. Тот охнул. – А если у меня раму повело? Тогда ты минимум на три штуки попал!

– Да какую раму?!

В любой другой день Соня только ускорила бы шаг; что здесь происходит и чем все закончится, было понятно. Но, наверное, злость, которой она была охвачена после разговора с оператором Мишей, заставила ее вести себя иначе. Других объяснений своему поступку она просто не находила.

Соня шагнула с тротуара на дорогу и, оказавшись прямо за спиной у качка, постучала его кулачком по плечу.

– Эй! – сказала она. – Какие претензии?

Владелец «Ниссана» стоял напротив, поэтому их взгляды встретились. Соня не ошиблась: в глазах его мелькала та самая растерянность, которая всегда обещает только поражение.

– Че надо?

Качок обернулся и в развороте отбросил от своего плеча Сонину руку. Хамство, направленное не вообще на кого-то, а именно на нее, рассердило ее еще больше.

– Вечно ты, Петя, с каким-нибудь уродом свяжешься, – обратилась она к мужчине в галстуке. – Что в детстве, что сейчас. Не брат, а наказание божье.

На Петю он был похож примерно так же, как Соня на Прасковью Феофановну. И сияющая машина, и очки в золотой оправе, и дорогой шелковый галстук, и светлая рубашка из мягкого льна, и, главное, выражение лица свидетельствовали о десяти поколениях жителей Сивцева Вражка, составивших его родословную.

– Тебе че надо? – тупо повторил качок. – Вали отсюда!

Соня снова обернулась к нему. Глаза ее сузились.

– Я что, по-твоему, зря на шпильках хожу? – сквозь зубы процедила она.

– На каких шпильках? – опешил он.

– Вот на этих!

Одновременно с этими словами Соня вскинула ногу так, что ее тонкий каблук оказался на уровне его глаз; вот когдагодились спортивные танцы, которыми она занималась в шестом классе! При этом резком движении ее белые трусики бесстыдно мелькнули под короткой джинсовой юбкой. Но бесстыдство было сейчас как раз кстати, это она тоже знала.

Качок невольно отшатнулся.

– Нет, не зря я шпильки ношу, – прошипела Соня. – В глаз каблук задвину – через затылок выйдет, понял? Петь, запиши его номер. Или не надо, я и так запомнила. Поехали.

Соня хозяйским жестом взяла растерянного товарища под руку и почти втолкнула за руль «Ниссана», потом обошла автомобиль вокруг и села рядом на пассажирское сиденье.

– Поехали, – повторила она. И поторопила, захлопнув дверцу: – Да скорее же!

Упрашивать не пришлось. Видимо, растерянность у этого недотепы все же прошла – он рванул с места так, что качок отпрыгнул в сторону.

По пустой улице машина пролетела два квартала за минуту, не больше.

– Остановите, пожалуйста, – сказала Соня увлечшемуся водителю.

– Зачем? – спросил он.

– Я выйду.

– Ну что вы! За такой подвиг я просто обязан довезти вас до дому.

Другой на его месте произнес бы что-нибудь возвышенное или хотя бы витиеватое, а этот прямо сказал то, что думал: ты мне помогла, я тебя за это отвезу домой. Ты мне – я тебе. Соня невольно улыбнулась: уж очень непосредственной была его реакция.

– Я здесь рядом живу, – сказала она. – Везти никуда не надо. И вообще, извините.

– За что? – удивился он.

– За фамильярность.

– Ваша фамильярность оказалась очень уместна. Единственно уместна, как я теперь понимаю. А откуда вы узнали, как меня зовут? – с любопытством спросил он.

– Я не знаю, как вас зовут, – пожала плечами Соня.

– Но вы же сказали – Петя.

– А вы что, в самом деле Петя? – удивилась она.

– Ну да. А что вас так удивляет?

– Да как-то... Мне казалось, вы должны быть... Например, Аркадием.

– Я Петр Аркадьевич. – Теперь удивился уже он. – Однако вы сообразительны! Хотя о вашей сообразительности нетрудно догадаться.

– Почему? – улыбнулась Соня.

– Как же почему? Я только на пятой минуте понял, что меня разводят. Да и то стал свои действия просчитывать: прыгну в машину, двери заблокирую, начну нужным людям звонить... А вы ничего просчитывать не стали, просто нашли единственно правильный стиль поведения.

– Это не я нашла, – призналась Соня. – Однажды мы с одноклассником попали точно в такую ситуацию. Да еще за городом было, темно, ни души кругом...

Все, что происходило тогда, встало в ее памяти так ясно, что она даже вздрогнула. Грохот железа по крылу, визг тормозов, вскрик снаружи, человек под колесами... Она была уверена, что они в самом деле кого-то сбили. И когда, выскочив из машины, Ник бросился к лежащему у самых колес человеку и, схватив его за шиворот, рывком поднял на ноги, Соня сама вскрикнула. Ей казалось, что пострадавшему надо срочно накладывать шины из всего, что под руку попадется, или даже делать искусственное дыхание. Но вместо этого Ник так врезал ему в челюсть, что он отлетел метра на три в сторону. А потом очень живо для жертвы автомобильного наезда вскочил на ноги и бросился бежать. И второй тип, бывший с ним, – Соня не сразу его разглядела, – бросился бежать тоже.

Уже потом, когда машина мчалась по шоссе, а Соня, дрожа от пережитого потрясения, пила горячий чай из термоса, Ник рассказал ей, что подобными аферами промышляют жители многих придорожных поселков.

– Работы тут нет, курортников тоже нет, море далеко, – объяснил он. – Ну, они и придумали промысел. На шоссе подкараулят – и палкой железной по крылу. Водила, конечно, по тормозам. А они рассчитывают, где машина встанет, и прямо перед колесами падают. Вроде как сбили их.

– А если неправильно рассчитают? – спросила Соня.

– Значит, им не повезет, – невозмутимо ответил Ник. – Или если на своего нарвутся, на крымского, тогда тоже не повезет. Вот как сегодня. Но приезжих по-любому много, так что есть смысл рисковать.

Ник, конечно, не угрожал задвинуть аферисту в глаз каблук, это была чистая Сонина импровизация. Но как в принципе следует вести себя в подобных ситуациях, она переняла у него.

– Вообще-то я, разумеется, знаю про эти разводки, – сказал Петя. – Да и кто про них не знает? Но меня сбило с толку то, что он был один. Обычно они действуют вдвоем, чтобы был лжесвидетель.

– Он вас через окно рассмотрел. – Соня не сумела сдержать улыбку. Ей не хотелось обижать этого человека, но по контрасту с тем, что происходило пять минут назад, очень уж смешной казалась его рассудительность. – Сразу понял, что и без лжесвидетеля справится.

– Он оказался бы прав. – Петя нисколько не обиделся. – Если бы не ваше вмешательство.

– Я в самом деле уже дома, – сказала Соня. – Дальше везти не надо. Я в этом переулке живу.

– Да? – обрадовался Петя. – А я в пятнадцатом доме по Сивцеву Вражку. Знаете пятнадцатый дом?

– Ну, знаю, – пожала плечами Соня. – Тот, что между тринадцатым и семнадцатым.

Ничего другого про пятнадцатый дом она в самом деле не знала. Чем он уж так отличается от соседних?

– Странно, что я вас здесь никогда не видел, – сказал Петя.

– Но здесь же не деревня. Сколько в Москве людей? Миллионов шестнадцать. Если с приезжими.

– В Москве, может, и шестнадцать. Но у нас на Сивцевом Вражке гораздо меньше. И все, кто здесь живут, в основном друг друга знают. Можно, я вас до подъезда провожу? – спросил он, увидев, что Соня открывает дверь машины.

Она хотела было отказаться, но, пристальнее взглянув на Петю, поняла, что отказ его обидит. Не потому что это будет отказ красивой девушки, или, во всяком случае, не только поэтому. А потому что эта красивая девушка помогла ему, мужчине, выпутаться из неприятной ситуации, что само по себе неловко. И если теперь она не позволит ему уравновесить ее поступок, то Пете хоть сквозь землю провались.

– Ну, проводите, – кивнула Соня.

На секунду ей стало не по себе оттого, что придется вести его к общежитию и он узнает, что вовсе она не жительница Сивцева Вражка. То есть жительница, но недавняя и временная, а значит, неполноценная. Но тут же она так рассердилась на себя за подобное смущение, что схватила Петю под руку и чуть ли не поволокла за собой. Он, впрочем, не стал сопротивляться, а лишь ускорил шаг.

– Вот здесь я живу, – сказала Соня, останавливаясь у двери рядом с табличкой, извещающей, что это общежитие.

Она расслышала в своем голосе некоторый вызов и еще больше рассердилась на себя. А заодно и на Петю.

– «Общежитие Международного университета гуманитарных наук», – прочитал он на вывеске. И удивленно поинтересовался: – Это что за заведение такое?

– Шарашкина контора.

– Тогда зачем вы в ней учитесь?

«Интересно, сколько ему лет? – сердито подумала Соня. – До какого возраста можно ни хрена не понимать в жизни?»

– Во-первых, люди очень часто учатся не там, где хотят, а там, где есть возможность. И работают тоже, – процедила она. – А во-вторых, я в этой шарашкиной конторе не учусь.

– Тогда почему живете в этом общежитии?

Если это была наивность, то просто железобетонная! И явно затянувшаяся: присмотревшись, Соня поняла, что Пете лет тридцать.

– Потому что больше мне жить в Москве негде.

Ей показалось, что в ее голосе звучат нотки истинно ангельского терпения. Но Пете, видимо, так не показалось.

– Извините... – пробормотал он. – Я не сообразил, что задаю бестактные вопросы.

– Ничего, пожалуйста. Приятно было познакомиться, – простилась Соня.

– А мы ведь не познакомились, – сказал Петя.

– Как же не...

И тут она сообразила, что в самом деле не назвала ему даже своего имени.

Выходит, всего два месяца московской жизни сделали ее предельно практичной. Нет необходимости продолжать знакомство, значит, можно и имя свое не называть.

От этой мысли Соне стало почти весело. К тому же Петино круглое лицо, слегка покрасневшее, наверное, от волнения, выглядело трогательным, а потому смешным.

– Меня зовут Соня. Соня Гамаюнова, – сказала она, на этот раз не сдерживая улыбку.

– Красиво! – восхитился Петя. – А моя фамилия Дурново. Петр Аркадьевич Дурново.

– Как-как? – удивилась Соня. – Странная какая фамилия.

– Не такая уж странная. Весьма старинная. Скажите, Соня... А могу я записать ваш телефон?

– Пожалуйста, – пожала плечами Соня.

Она диктовала свой номер, Петя щелкал клавишами телефона, очень дорогого, такого же элегантного, как его машина...

«А зачем я ему этот номер даю? – вдруг мелькнуло у Сони в голове. – У меня же в Ялте прежний будет, не этот».

Она поняла это так ясно, что даже замолчала. Московский номер устарел. А давать Пете немосковский было ни к чему. Зачем ему звонить ей в Ялту?

– Еще две цифры, – сказал Петя.

– Что? – Соня вздрогнула.

– Вы не продиктовали еще две цифры. Или я ошибаюсь?

– Нет... То есть да... Петр, мой телефон вам совершенно не нужен.

Не глядя в его удивленные глаза, она резко, чуть не сломав каблук, развернулась и скрылась за дверью общежития.

Глава 8

«Проигрывать тоже надо уметь. Главное вовремя понять, что ты проиграла. Тогда и разочарования не будет. Наверное, не будет».

Соня сидела на кровати и складывала вещи в дорожную сумку. Сумка была неудобная, мягкая и без колесиков. Тащить ее было тяжело, и вещи в ней мялись. Ну да не все ли ей теперь равно? Дома погладит.

При мысли о доме ее охватывало странное чувство. Прежняя ялтинская жизнь не вызывала у нее отвращения. И то, как она жила три месяца в Москве, не вызывало такого восторга, который мог бы затмить прошлое, сделать его тусклым и серым в ее сознании. Но и облегчения, не говоря уже радости от того, что скоро она окажется дома, в привычном и добром к ней мире, Соня тоже не испытывала.

Она не хотела уезжать из Москвы. Ей незачем было оставаться в Москве. Осознание того и другого занимало в ее голове равное место. А что творилось у нее в душе, она не понимала.

Соня бросила в сумку туфли на шпильках, те самые, которыми привела в оторопь качка из «бумера». Странно, что это было всего лишь позавчера; два дня, проведенные в сплошных размышлениях о будущем, показались ей невероятно длинными – с неделю, не меньше.

Поверх туфель Соня положила пакет с нестираной одеждой. Стирка, а особенно сушка белья в общежитии была целым мероприятием. И зачем ей теперь его затевать? Дома все постирает. Правда, в их старом доме на Садовой стирать тоже не слишком удобно, и с водой в Ялте вечно перебои, зато есть просторный светлый чердак, где все жильцы, каждый в свой день, поочередно сушат белье.

«Почему я решила, что у меня здесь все получится? – подумала она. – Вера Холодная... Я-то к ней при чем?»

Соня не привыкла выстраивать свои мысли в логическую картину. Не зря же в школе ей плохо давалась математика. И во всех случаях, когда ей почему-либо приходилось свои мысли упорядочивать, она чувствовала недовольство собою. Вот как сейчас.

Она хотела бы не думать сейчас о таких отвлеченных вещах, как победа и поражение. Но природное упорство требовало, чтобы Соня разобралась, отчего оно, это ее упорство, получило такой разительный удар.

Она всегда чувствовала себя вполне современной. Она легко принимала новые явления жизни, воспринимала их как данность и на дух не переносила разговоров о том, что раньше вот было хорошо, а теперь стало плохо. Что уж такого раньше было хорошего? Очереди за говяжьими костями? Во времена этого «раньше» Соня была еще не слишком большая, но отлично помнила, как мама ставила ее рано утром в такую вот очередь в гастрономе на набережной, убегала на работу к себе в санаторий, потом прибегала во время перерыва, а Соня все еще стояла в очереди, и даже не в самом начале.

И то, что главным мерилom человеческих отношений теперь стали деньги – во всяком случае, все так говорили, – нисколько ее не беспокоило. Во-первых, это было удобно: по крайней мере нет никаких неясностей и понятно, на что ориентироваться. А во-вторых, деньги упорядочивали отношения только с посторонними людьми, то есть такие отношения, которые, по Сониному мнению, все равно нуждались в какой-нибудь внятной мере. А отношения с мамой, с Ником, даже с Лоркой, – они ведь с деньгами никак связаны не были. И отец ушел к той блондинке совсем не из-за денег...

В общем, Соня всегда ощущала себя принадлежащей ровно к своему времени, и ничто в этом времени ее не раздражало.

И только в ту минуту, когда она увидела на экране Веру Холодную с ее изломанными, не существующими ни в каком времени жестами, с ее темными нервными глазами, она почув-

ствовала то, чего почувствовать никак не могла по определению: близость к себе этой женщины. Она даже не поняла, было ли это ощущением близости к самой актрисе или к героине, которую она играла, да это было и неважно. Ей показалось близким то необычное, что смотрело на нее с экрана.

Это было что-то вроде яда, но такого странного и такого сладкого, что Соня сразу почувствовала: она готова его выпить, даже если он в самом деле окажется смертельным. А вдруг еще и не окажется?..

Так она и возникла в Сониной голове, эта мысль о том, что она должна стать актрисой. А потом возникло желание уехать в Москву, а потом все это обернулось студией «ТиВиСтар» и разговором с оператором Мишей...

«Хватит про все такое думать!» – мысленно прикрикнула на себя Соня.

Подобные мысли не приносили ничего, кроме смятения, а значит, от них следовало избавляться.

Соня обвела взглядом комнату, прикидывая, не забыла ли что-нибудь. Так она и не стала ей не то что домом, но хоть сколько-нибудь дорогим сердцу пристанищем, эта комната... Ну и хорошо! Иначе трудно было бы теперь ее покидать.

В окне, как в картинной раме, виднелся маленький дворик, не по-столичному тихий, и доносился через открытую форточку скрип качелей, на которых совсем юная мама раскачивала маленького ушастого ребенка.

Соня встала, чтобы задернуть занавеску. Ей не хотелось беречь сердце видом этого дворика, в котором было слишком много души и жизни, чтобы с ним легко было расстаться.

Но едва она подошла к окну, как тут же испуганно отшатнулась. Кто-то стоял прямо за стеклом, в шаге от нее.

Правда, испугаться Соня все-таки не успела, потому что тут же узнала Петра Аркадьевича Дурново. Именно он стоял под окном, переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на нее несколько смущенным взглядом.

Соня встала коленками на подоконник и высунула голову в форточку.

– Здравствуйте, – сказал Петя. – Извините, что я без звонка. Дело в том, что у меня украли телефон. И ваш номер, соответственно, пропал.

Все-таки он обладал какой-то особенной способностью попадать в неприятные истории! Позавчера чуть денег не лишился, сегодня, пожалуйста, уже телефон украли.

– Я не успела продиктовать свой номер, – напомнила Соня. – Вернее, просто передумала вам его давать.

– Да, в самом деле. – Он еще больше смутился от того, что его уличили в таком неловком вранье. – А мне почему-то показалось, что ваш номер украли вместе с телефоном, и я решил... – Телефон разразился мелодией в нагрудном кармане его пиджака. – Это новый! – поспешно воскликнул Петя и так же поспешно отключил аппарат. – Я вынужден был сразу купить новый, мне нельзя без связи. Может быть, вы выйдете, Соня? – В его тоне послышались просительные нотки. – Как-то не очень удобно разговаривать через форточку.

– У меня времени мало.

– До чего?

– До поезда.

Она вовсе не собиралась сообщать ему, что уезжает. Но Петя умел ставить вопросы так прямо и в лоб, что они с неизбежностью требовали только прямого ответа.

– А куда вы уезжаете? – сразу же поинтересовался он.

При всей его способности теряться и смущаться от всякой ерунды, его невозможно было заподозрить в излишней церемонности. Наоборот, что хотел, то немедленно и спрашивал.

– Домой, – сказала Соня.

– Надолго?

– Насовсем.

– Но зачем? – удивился Петя.

И опять – видно было, что он в самом деле искренне не понимает, зачем нужно уезжать из Москвы насовсем.

– Не зачем, а почему.

Соне поневоле пришлось уточнить его вопрос. Но Петю совсем не интересовало уточнение.

– Цель важнее, чем причина, – сказал он.

– Почему?

На этот раз удивилась Соня. Она уловила в его словах, в общем-то простых, какую-то важную мысль, существенную мысль, и ей сразу стало интересно.

– Потому что если цель важна, то причины, мешающие ее осуществлению, вполне можно проигнорировать. Кто хочет, ищет возможности, кто не хочет – причины. Вам в самом деле так важно оказаться дома?

– Сейчас я выйду, – сказала Соня. – И правда, глупо через форточку разговаривать.

Когда она вышла на улицу, Петя уже стоял не под окном, а у двери общежития. Сегодня он был не в костюме, а в ярко-красной рубашке-поло. И очки в тоненькой золотой оправе не прятал в карман. Соня улыбнулась, вспомнив их позавчерашнее знакомство.

– Может быть, мы пообедаем? – предложил Петя. – Можно, например, пойти в «Корицу».

Мимо ресторана с таким глупым названием Соня не раз проходила, гуляя. Судя по его местоположению с видом на храм Христа Спасителя и по интерьерам, которые можно было разглядеть сквозь прозрачайшие окна, был этот ресторан очень не из дешевых.

Она вовсе не собиралась экономить Петины деньги, но новых впечатлений ей сейчас не хотелось.

– Нет, – отказалась Соня. – Я не голодная. Давайте лучше здесь, во дворике посидим.

– Давайте, – согласился Петя.

Мамаша с ушастым ребенком уже ушла. Соня села на качели. Петя устроился напротив, на сиденье железных, с облупившейся краской каруселей. В Ялте такие старые карусели сохранились только в самых неприметных двориках. Соня думала, что в Москве таких и быть уже не может, а вот поди ж ты, есть.

– Вы обещали рассказать, зачем хотите уехать из Москвы, – напомнил Петя.

– Вообще-то я ничего вам не обещала, – в ответ напомнила Соня. – Но в принципе это не секрет. Просто я довольно быстро поняла, что мне нечего здесь делать.

– А что вы собирались здесь делать? – тут же спросил он.

И что она могла ему ответить? Что собиралась стать Верой Холодной и для этого нанялась в массовку «мыловарни»? Идиотизм собственного поведения был теперь для Сони очевиден. Но рассказывать о своем идиотизме едва знакомому человеку ей совсем не хотелось. Да и никому ей не хотелось об этом рассказывать.

– То же, что и все, – сердито сказала она. – Покорять Москву.

– Ну почему все? – пожал плечами Петя. – Среди моих знакомых нет ни одного человека, который собирался бы покорять Москву.

Его замечание было таким глупым, что Соня рассердилась еще больше. Как будто непонятно, что у них разные знакомые!

– Ладно. – Она встала так резко, что качели прыгнули назад. – Мне еще комнату комендантше сдавать.

– Так вы еще не выселились из общежития? – оживился Петя. – Мне кажется, вам не стоит торопиться.

– Мне так не кажется, – отрезала Соня. – А что вам кажется, не имеет никакого значения.

– Вы, конечно, правы, – поспешно согласился он. – Я только хотел сказать, что вы ведь не обязаны выселяться из общежития, правда? В том смысле, что если бы вы учились в этом сомнительном университете и вас бы, например, отчислили, тогда ситуация была бы критической. А вы, насколько я понял, живете здесь... – Он замешкался и быстро закончил: – По знакомству. Значит, можете выселиться или не выселиться по собственному усмотрению. Но тогда зачем торопиться?

– Логично, – хмыкнула Соня. – Только не про меня. Ну нечего мне в вашей Москве делать, понимаете? Правда, нечего.

– Вы не можете найти работу? – уточнил Петя. – Но в таком случае я мог бы...

– В Москве работу любой дурак найдет, – усмехнулась Соня. – Да я и в Ялте без работы не сидела.

– Вы из Ялты? – обрадовался он. – Я в детстве каждый год там бывал. Обычно в августе, когда виноград созревал. Меня возили глюкозу усваивать. А вы где там жили?

– На Садовой. Каменный дом двухэтажный, где каштан и магнолия во дворе. Вы, если в Ялте часто бывали, точно этот дом знаете. Старый такой, заметный. Только я не в прошедшем времени там жила. Я и теперь живу, – упрямо добавила она.

Петя пропустил последнее уточнение мимо ушей.

– Я понимаю, в Москве у вас что-то не получилось, – сказал он. – Не сложилось. И все-таки, мне кажется, это не повод, чтобы так поспешно отсюда бежать.

– Откуда вы знаете, что поспешно? – хмыкнула Соня. – Может, я уже полгода размышляю.

– Вряд ли. Для долгих размышлений у вас слишком импульсивный вид.

Он совершенно не вызывал у нее того острого интереса, который может вызвать у женщины не вообще человек, не абстрактная личность, а именно мужчина. Да прежде Соня и вовсе не знала, что такое абстрактный интерес к кому бы то ни было. А теперь, глядя на круглое лицо этого Пети – как там его фамилия, смешная такая? – она чувствовала вот именно интерес. Что-то проскальзывало то и дело в его словах необычное... Во всяком случае, невозможно было представить, чтобы он, наподобие Лоретты, стал рассуждать про обидную любовь или прочитал бы какое-нибудь дурацкое стихотворение.

– А какую работу вы мне собирались предложить? – спросила Соня.

– Я не собирался предлагать вам работу. – К ее удивлению, в Петин голос прозвучали холодноватые нотки. – Я даже не знаю, что именно вас интересует.

Соня поняла, что он попросту пожалел о мгновенном порыве, поддавшись которому чуть не сказал, что может помочь ей с работой. Сочетание наивности и практичности было в нем так же интересно, как неожиданно точные определения, которые он давал различным явлениям. Все люди, которых Соня встречала до сих пор, были до доньшка понятны ей через полчаса знакомства. А этот Петя был ей непонятен или, во всяком случае, не совсем понятен, а потому и интересен.

– А вы вообще-то кем работаете? – бесцеремонно спросила она. И добавила, чтобы его поддразнить: – Должна же я знать, на какую вашу помощь могу рассчитывать.

– Я адвокат, – ответил он.

Ого! Даже если он самый обыкновенный адвокат, не из тех, которых показывают по телевизору, то все равно человек не из бедных. Да об этом и по машине его, и даже по галстуку можно догадаться.

– Интересная, наверное, у вас работа, – сказала Соня. – Речи в судах говорите.

– Работа у меня в основном рутинная, – пожал плечами Петя. – И в судах мне выступать почти не приходится. К счастью.

– А что же вы делаете? – удивилась Соня. – Я думала, адвокаты всегда в судах выступают. Или в тюрьмы к своим клиентам ходят.

– Я работаю в нефтяной корпорации, – объяснил Петя. – Все мои клиенты на свободе. Так, улаживаю кое-какие их проблемы. Пока, к счастью, несущественные. Соня, – вдруг, без всякого перехода, сказал он, – и все-таки мне было бы приятно, если бы вы задержались в Москве. И у нас было бы время узнать друг друга получше.

Вот это да! Конечно, Соня сразу поняла, что понравилась господину адвокату. Но она была уверена, что он будет ходить вокруг да около, смущаться, теряться, пыхтеть – в общем, вести себя как всякий неопытный в общении с женщинами мужчина, каковым он, по ее наблюдению, являлся. А он, пожалуйста, обошелся без обиняков.

Это Соне понравилось. Или, может, она и сама подсознательно искала зацепку, которая позволила бы ей задержаться в Москве?

Как бы там ни было, но она сказала, мило улыбнувшись:

– Петя, вы мертвого уговорите. У меня даже аппетит разыгрался. Где вы предлагали пообедать, в «Корице»?

Петино лицо просияло той наивной открытостью, которой пять минут назад, когда он говорил, что не собирался предлагать Соне работу, в нем невозможно было и предположить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.